

НАТАЛЬЯ МИЛЯВСКАЯ

ПРЕМИЯ ДАРВИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+ Содержит
нецензурную
брань

18+

Наталья Милявская

Премия Дарвина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66881068

SelfPub; 2022

Аннотация

Однажды пять не особо удачливых человек по собственной глупости... умерли. Если вы думаете, что это финал истории, вы ошибаетесь – это ее самое начало. По ту сторону бытия, в странном месте под названием «Сортировочная», погибшим было предложено – отправиться дальше, в неизведанное, или попытаться отработать собственное «непреднамеренное самоубийство». Теперь пятерка «ходячих мертвецов» возвращается на Землю, чтобы спасти от случайной гибели таких же, как они, идиотов. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. ДУРАКАМ НЕ ВЕЗЕТ	4
2. «СОРТИРОВОЧНАЯ»	61
3. ВТОРОЙ ШАНС	98
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Наталья Милявская

Премия Дарвина

1. ДУРАКАМ НЕ ВЕЗЕТ

Все трюки выполнены непрофессионалами. Не пытайтесь повторить их самостоятельно.

КИРА

Больше всего на свете Кира не любила фронтальные камеры. Можно было спустить чертову кучу денег на лучшего косметолога, отвалить солидный гонорар лучшему визажисту, неделю до важных съемок спать по девять часов в сутки, а после, включив камеру для прямого эфира, все равно увидеть, как ты выглядишь на самом деле. В 21 веке даже зеркала разучились говорить правду – а фронтальная камера не обманет, покажет все, как есть. Нависшие веки, наметившиеся брыльки, прорезавшаяся носогубка. А ведь ей только двадцать семь! Господи, хоть бы до тридцатки дотянуть без круговой подтяжки лица.

Да, да, всё она знала про фокусное расстояние. И для подобных случаев есть фильтры, скажете вы. Есть. Но любой владелец смартфона знает, как он выглядит на самом деле.

Без этих цифровых приблуд, кошачьих ушек и выглаженного лица. Подписчиков можно и нужно обманывать – но вот как обмануть саму себя? Кира вздохнула, попыталась «поймать состояние покоя» – как она сама учила своих фанатов – затем улыбнулась и вышла в прямой эфир. Врубив свой самый жесткий фильтр – и превратившись на экране смартфона в смесь эльфа и ангела во плоти, со светящейся кожей и нежным румянцем.

– Всем привет! С вами КираSin, и сегодня мы, как всегда, будем жечь! – выпустила она в невидимую аудиторию пулеметную очередь заряженных позитивом слов. – Будет чумовой эфир и фотосессия, будут вот такие подарки с моим мерчем, как на мне – на этой фразе Кира опустила камеру вниз и продемонстрировала стильное худи со своим лицом, – И, конечно, розыгрыш призов от моих друзей, чипсов «Лучшая картошка»! Сегодня будет крутой день! Я это чувствую!

Кира внезапно и сама прониклась транслируемым в аудиторию настроением и искренне улыбнулась.

– Моя команда прямо сейчас готовится к фотосессии... Гайз, передайте всем привет! – крикнула Кира, и ее дрессированные обезьянки в составе гримерши Светы, традиционно облаченной в черное, словно вдова Дона Корлеоне, вечно молодящегося фотографа Гоши, выкрасившего ежик волос в идиотский зеленый цвет, и его ассистентки, неприметной сутулой девицы, чье имя Кира так и не смогла запомнить, синхронно помахали в камеру. Только пиарщица Киры, Стася,

коренастая брюнетка в оверсайз-пиджаке, стоящая неподалеку, вниманием Киру не удостоила, поглощенная телефонным разговором.

Кира снова глянула в камеру, сделала вдохновенное лицо. Повернула телефон, демонстрируя подписчикам густую зелень лесной полянки, на которую они приехали всей командой для фотосессии, заросли мелких желтых цветов, раскинувшихся под ногами, выдохнула романтично:

– Красота, правда?

А потом заорала весело:

– А сейчас... та-дам! – герой дня! Как я и обещала, вот он, тот самый сюрприз!

Зрители Киры – коих к тому времени набралось несколько тысяч человек – увидели, как она мчит куда-то сквозь кусты, огибает свой дорогой внедорожник, минует большую старую газель с проржавевшими порожками. А потом на экране появился огромный медвежий нос. И морда. И немного сонные медвежьи глаза. Опасный зверь, мирно сидящий на задних лапах на траве, с аппетитом хрустел яблоком, которое он умело держал в когтистых лапах. Каждый его коготь был длиннее с Кириным пальцем, а бурая шерсть медведя отливала на солнце янтарем.

– Это Семен! Круто, да? Настоящий хищник!

Кира навалилась на медведя, потрепала его за шерстяной загривок. Сделала вид, что чмокает медведя в нос.

– Он снимался в кино, а сегодня будет вместе со мной

фотографироваться! Огонь!

– Девушка, я же объяснял! – оттеснил ее от медведя дрессировщик, некрасивый мужик с вислыми усами. – К животному без моей команды не подходить!

Кира состроила в камеру испуганное лицо – чтобы как-то сгладить это внезапное хамство – и завершила эфир.

– Сами же говорили, он ручной!

– Это хомячок у вас дома ручной, – хмыкнул дрессировщик, протягивая медведю новое яблоко. – А это дикий зверь, хоть и дрессированный.

Кира закатила глаза, развернулась и двинула к пиарщице.

– Стася, задолбала эта фигня!

Стася с легким недоумением взглянула на Киру, сообщила в трубку:

– Роман, я вам попозже перезвоню! – и уточнила, – В смысле?

«В коромысле!», мысленно срифмовала Кира. Стася невероятно бесила ее с самого утра – платье привезла на размер больше, постоянно с кем-то созванивается вместо того, чтобы контролировать команду. Еще один косяк – пообещала себе Кира – и прилетит Стасе штраф!

– Этот дятел не дает мне нормально эфир отснять. Мы за что ему пятнадцать косарей отваливаем?

Стася глянула на дрессировщика с медведем, на Киру.

– Мать, ты давай, тоже поаккуратней. Разозлишь медведя, он тебе платье подерет. Я его потом как в шоурум обратно

сдам?

– Подерет – дрессировщик оплатит. Скажи ему, чтоб не выделялся.

Стася чуть растерянно кивнула.

Появилась Света, ловко подпихнула под Киру раскладной походный стульчик, усадила ее и принялась поправлять макияж. Стася сделала пару шагов в сторону дрессировщика, потом вернулась.

– Слушай, мне креативный продюсер сейчас звонил, из «Хэппи-продакшн»...

Наконец-то! И года не прошло! Эти горе-киношники еще месяц назад обещали прислать поправленный сценарий. Первую версию, которую ей предложили еще ранней весной, она забраковала. Играть дурочку-блогершу? Спасибо, обойдемся.

– Прислали? – поинтересовалась Кира.

Стася подозрительно мялась.

– Кир, ты только не принимай на свой счет... Они тебя заменили.

Кира, как была, с открытым для нанесения помады ртом, так и зависла.

– Мы же договор уже утвердили!

– Но не подписали!

Кира жестом остановила гримершу. Та, замерев с кисточкой в руке, явно почувствовала своей костлявой задницей надвигающийся шторм и стремительно ретировалась в сто-

рону внедорожника.

– Там канал решил более топового блогера на твою роль взять.

– В смысле, более топового? – взвилась Кира, чувствуя, как от обиды заняло в груди. – Пять с половиной лямов фанатов в соцсетях им недостаточно?

Стася старательно разглядывала носки своих уродливых и очень дорогих кроссовок. Гребаная Стася! И свои кроссовки, и унылый пиджак, и смартфон последней модели, и студию в новостройке – все эти ништяки пиарщица приобрела за ее, Кирины, деньги! А по факту, эта нахлебница даже не может обеспечить ей нормальную роль в нормальном фильме!

Кира сверлила Стасю взглядом. Если бы она была героиней комиксов Марвел, она бы уже давно прожгла глазами-лазерами это бестолковое туловище насквозь!

– Кого взяли? Ну? – спросила она.

– Машу Синицу, – сконфуженно сообщила Стася.

Синицу? Эту бездарность из Кургана, которая пародирует в тик-токе диснеевских принцесс?

– Они там совсем ебнулись? – обалдела Кира. – Она же...

– Только что клип выпустила, – скороговоркой продолжила Стася. – Она по имиджу лучше подходит под целевую аудиторию. И она моложе. Младше.

Кира растерянно смотрела на Стасю, чувствуя, как в голове нарастает навязчивый звон. Все звуки ушли на второй

план, и только гадкое «зыыыы» гудело в затылке. «Младше»... Смешно. Кира еще толком не успела поучаствовать ни в одном забеге – а ее уже списывают в утиль. Из ступора ее вывел бодрый голос Гоши:

– Мы готовы! Можем начинать?

ЛИДА

Мучительный стыд от того, что она врет в лицо начальнице, Лида оправдывала благородным мотивом – ложь эта была во благо. Разве праведная месть – это не благо? И пусть холодным это блюдо она подать не успеет – главным сейчас было вообще успеть добраться до Льва. Иначе он сменит замки – и привет ангелу мщения. Поэтому Лида выпрямила спину и бесстрашно глянула в глаза строгой Сазоновой.

– Ирина Семеновна, очень надо! Подруга звонила – едет на такси в травмпункт. Перелом ноги в двух местах. С электросамоката упала.

Сазонова иронично хмыкнула.

– То есть она только едет в травмпункт, а ты уже знаешь, что у нее два перелома?

Лида закусила губу. Осторожно, осторожно! Сейчас главное – окончательно не запутаться.

– Она предполагает, что у нее два перелома...

– А я предполагаю, Овчарова, что ты охамела.

– Ириночка Семеновна! Я правда не вру! А завтра я приду, и с утра все, что нужно, сделаю! И сейчас же уже почти

пять. Подумаешь, на часок пораньше...

– Лид, мне эти твои уходы пораньше уже знаешь, где? – поинтересовалась ироничная Сазонова, выходя из-за стола и потягиваясь. – Ты ж не делаешь в последнее время ни хера! Кто макет календарей запарол в прошлом месяце? А две машины со справочниками кто в Подольск вместо Серпухова отправил? Я понимаю, у тебя стресс, развод... Но это когда было? Год назад? Завязывай сопли на кулак мотать. Самой не стыдно? Еще один больничный или опоздание – уволю. Всё, арбайтен!

В знак того, что разговор окончен, Сазонова достала с полки капсулу с самым крепким кофе и сунула ее в кофемашину. Лида стиснула зубы и под надсадный визг кофейного аппарата вышла из кабинета директрисы.

И вовсе не год назад это было! А восемь месяцев. Восемь месяцев и шестнадцать дней – вот срок, которым исчисляется официальное Лидино одиночество. В тот момент, когда она получила на руки свидетельство о разводе, в груди Лиды словно вспыхнула сверхновая звезда, которая выжгла все привычные эмоции и оставила внутри только оглушающую, звериную ненависть. Жжение этой звезды в собственных внутренностях Лида ощущала ежесекундно. Она чистила зубы, смотрела скучные сериалы, пила кофе, приветливо улыбалась окружающим – но на самом деле Лида медленно плавилась изнутри, даже во сне ощущая это ядовитое радиоактивное излучение. Звезда по имени «Ненависть». Звезда

смерти. И если бы Лида могла, она бы оторвала голову этой гадине Веронике голыми руками.

Мечтательно улыбнувшись – представляя, как она сжимает руки на тонком горле ненавистной разлучницы – Лида осмотрелась и поняла, что незаметно очутилась возле своего рабочего места. Она окинула взглядом постылый офисный интерьер – светло-зеленые стены, пыльные образцы плакатов и календарей, развешанные по стенам, чахлые цветы на подоконниках, не менее чахлые спины логистов и менеджеров, сидящих тут и там, в огромном помещении. Знакомый до мельчайших царапин на стенах интерьер вдруг показался ей чужим и незнакомым. Что она здесь делает? В чем смысл ее многолетнего прозябания в этой унылой типографии, печатающей визитки и рекламные вывески? В чем вообще смысл ее пустой, никчемной жизни – без любимого мужчины, без перспектив, без уверенности, что они будут вместе до глубокой старости, в горе и в радости...

К горлу подкатил комок, и Лида поспешила сесть на свой стул и спрятаться за монитором, чтобы никто не заметил, что она вот-вот расплачется. Ну же, тряпка, соберись! Чтобы как-то отвлечься, открыла таблицу с заказами. Минуту старательно тарасилась в экран, пытаясь собрать воедино рассыпь бессмысленных цифр и фамилий. Свернула таблицу – как вообще можно работать в подобном состоянии? – влезла в соцсети и уже в который раз уставилась ненавидящим взглядом в свежий пост в аккаунте @verolove93.

Она знала содержимое аккаунта наизусть. Хозяйкой аккаунта являлась улыбчивая – до омерзения, стройная – до печеночных коликов, и позитивная – до рвотного рефлекса, Вероника. Та самая, которая заняла место Лиды рядом с ее бывшим мужем, и теперь воплощала в жизнь ее, Лидины мечты!

Вот Вероника, вытянув стройные ноги, позирует на белоснежном мальдивском пляже – а ведь именно ее, Лиду, Лев обещал свозить на Мальдивы на годовщину свадьбы. Вот Вероника щурится, как кошка, демонстрируя в кадр шикарный букет цветов – а ведь раньше ей, Лиде, Лев дарил цветы. Но сегодня утром эта тварь опубликовала фотографию, от которой сердце Лиды оторвалось и ухнуло куда-то вниз, в невидимую пропасть. На фото счастливую Веронику обнимал не менее счастливый – и такой красивый! – Лев, а сама разлучница демонстрировала в кадр кольцо с крупным бриллиантом, надетое на безымянный палец. Внизу значилось: «Я сказала ДА!». И чуть ниже, после вереницы тошнотворно-розовых сердечек, сообщалось: «Ждем всех на вечеринку в честь годовщины знакомства и нашей помолвки. Ресторан «Колоссео», сбор гостей в 18:00».

Вот бы однажды в аккаунте Вероники появилось фото, где она лежит в гробу!

После обнаружения поста Лида минут тридцать просуществовала в состоянии оглушенной рыбы. Мыслей в голове не было, эмоций, казалось, тоже – самой себе Лида напомина-

ла скукоженный воздушный шарик, из которого вышел весь воздух. Мимо ходили люди, что-то там требовала Сазонова, коллега Лиды, Тоня, пытаясь ее растормошить, угощала ее сырниками собственного приготовления, которые она принесла из дома. Лида ради приличия взяла один сырик, пожевала, вообще не ощущая вкуса. Сообщила, что «очень вкусно». Потом, соврав, что у нее болит голова, достала из нижнего ящика стола запрятанную там пачку сигарет, вышла во двор и впервые за долгое время закурила.

И пока она курила и смотрела, как луч вялого столичного солнца разрезает надвое квадрат пустого двора, черная звезда смерти шевельнулась в груди и приняла за нее важное решение. Лида должна отомстить. Показать, что она – не тряпка. И вытереть ноги об нее не получится.

Включившийся мозг мгновенно произвел нехитрую калькуляцию – если вечеринка в «Колоссео» начинается в шесть, значит, Лев и Вероника точно не появятся дома часов до одиннадцати. А то и до полуночи. Ну, до полуночи Лида уже управится – а значит, выдвигаться нужно прямо сейчас.

План был прост – забраться в квартиру ко Льву и устроить там пожар. Наводнение. Торнадо. Апокалипсис. Лида на месте придумает! Главное, чтобы ей повезло, и бывший муж не успел сменить замки в некогда их – а теперь в его с Вероникой квартире. Да, при расставании Лида вернула Льву свой комплект ключей, но он не знал, что она успела сделать дубликат.

Лида зловеще улыбнулась. Впервые за восемь месяцев и шестнадцать дней она чувствовала себя живой. Готовой действовать. Дышать полной грудью. Как она вообще раньше не догадалась отомстить этим гадам за отвратительную измену, вранье и подлое предательство? По странному – а, вернее, банальному стечению обстоятельств – Вероника была коллегой Льва, и даже заходила к ним в гости, в статусе «хорошей знакомой».

Лида затушила сигарету и рванула к Сазоновой, чтобы сорвать про подругу, упавшую с электросамоката, и прямо сейчас уехать из офиса... Но ложь вышла жалкой, и теперь она не сможет осуществить великолепный план мести, который сложился в ее голове. Может, оно и к лучшему? Стоит ли опускаться?.. «Ты должна сохранять человеческое достоинство!» – царственно сказала ей мама, когда Лида после разрыва с мужем вернулась к ней домой, с вещами, и круглосуточно рыдала белугой.

Почему именно она, Лида, должна сохранять человеческое достоинство? Почему не все остальные??

«Именно!» – сказала ей звезда смерти. «А то так и померешь, не утерев нос этим скотам». И Лида поняла, что голос ее ненависти прав. К черту Сазонова. К черту человеческое достоинство. Со щитом, или на щите! Лида схватила сумочку, бросила в нее пачку сигарет, сообщила Тоне, работающей рядом за перегородкой:

– Если спросят, я у дизайнеров!

И, не дожидаясь ответа, направилась к выходу.

САНЫЧ

Все, чего ему хотелось – передернуть по-быстрому и уехать на дачу. Пятнадцать минут до конца рабочего дня, и привет, долгожданные выходные! Саныч пододвинул поближе упаковку салфеток, позакрывал все рабочие документы и вошел в Интернет.

За что он любил самый популярный отечественный поисковик – так это за то, что в нем можно было найти всё, в том числе самые затейливые порноролики. Мальчик-девочка, бабушка-дедушка, Белоснежка, ублажающая Спящую красавицу, йог, трахающий свою ручную змею. Любой каприз – в открытом доступе и абсолютно бесплатно! Люди только и делали, что вываливали в сеть свои и чужие гениталии, которые с каждым годом использовали все затейливее, и затейливее.

Парадокс – но при всем разнообразии чем дальше, тем тяжелее ему было искать что-то, что возбуждает по-настоящему. В последнее время ему нравились реальные ролики, записанные на смартфоны или камеры ноутбуков. Живые люди, живые эмоции. От постановочного порно он устал, и, хотя в роликах, снятых на профессиональный секс-студиях, всегда были самые красивые и подтянутые телочки, готовые на самые отчаянные секс-эксперименты, в какой-то момент Саныч осознал, что он больше не ведется на их подчеркнутые

то-театральные стоны и старательно оттопыренные – для того, чтобы камера могла разглядеть все подробности – попки. Циничный внутренний голос скучающе комментировал: «Наигрыш! Не верю!». И Саныч терял возбуждение.

Его и в реальной жизни окружала сплошная имитация – дружбы, радости, любви, – чтобы еще и получать настоящий оргазм от имитации оргазма. Он хочет испытывать реальные эмоции – пусть даже, глядя на них на экране.

Саныч подумал, ввел в строку поиска: «молодые секс домашнее видео» и нажал на поиск. Прошелся задумчивым взглядом по вывалившемуся многообразию роликов. Парочку из них запустил. Примерился – заводит, не заводит... Интересного было мало. Но, наконец, Саныч нашел настоящий бриллиант – на видео, снятом вертикально на чей-то смартфон, молодая симпатичная девица, смущенно прикрыв глаза, делала хозяину смартфона минет. Делала с явным удовольствием. Ничего не изображая. Не пытаюсь специально угодить или понравиться. Она просто получала от процесса такой же кайф, как и парень, в чьих трясущихся руках находилась камера.

Саныч почувствовал, что ему стало тесно в штанах. Он привстал, расстегнул ширинку – попутно размышляя, кто и почему загрузил в Интернет секс-видео с лицом своей подруги – но тут процесс на экране окончательно захватил воображение Саныча и...

...после короткого стука в кабинет ввалился Демидов, ме-

неджер доставки.

Саньч захлопнул крышку ноутбука и судорожно застегнул штаны.

Как он умудрился забыть запереть замок?

Демидов мялся в дверях – видимо, понял, что появился не вовремя. Потом бахнул на стол папку накладных и нарочито-бодро сообщил:

– Эт самое... Саньч! Мы разгрузили все, остальное уже в понедельник придет. Подмахнешь?

Последнее слово в контексте ситуации прозвучало двусмысленно. Саньч потянулся за ручкой и принялся «подмахивать» документы.

Демидов глянул на часы.

– Ты же все на сегодня, отстрелялся? Погнали с нами! Логинов из доставки за отпуск проставляется. На Артюхова, в шашлычке. Мы с Никитосом девчонок из логистики пригласили. Танцы-шманцы, все дела.

Демидов развратно подмигнул Саньчу. Тот глянул на его долговязую фигуру, задумался...

В шашлычке – это до полуночи, сто процентов. Никитос опять напьется в лоскуты и начнет проситься к кому-нибудь переночевать – потому что домой в Королев ему ехать уже поздно. К кому-нибудь – это, разумеется, к Саньчу, он единственный живет отдельно, без толпы домочадцев и домашних животных. Никитос и так, за прошедший год, оставался у Саньча два раза, и в обоих случаях Саньчу с трудом

удавалось уложить подгулявшего гостя, которому в два часа ночи хотелось «еще по пятьдесят». А девчонки из логистики... вот уж кто-кто, а девчонки – вернее, разновозрастные тетki из отдела логистики, Лена, унылая разведенка с сыном-первоклашкой, Катя, мелкая зубастая хищница, вечно обсмеивающая окружающих, и Элеонора Петровна, престарелый, потрепанный житейскими ветрами баркас пенсионного возраста с фиолетовыми кудряшками – не вызывали у Саныча ни малейшего желания зависнуть в шашлычке на Артюхова.

Саныч покачал головой, подписал последний бланк и сообщил:

– Я на дачу сегодня. Иначе не успею. В следующий раз.

Демидов чуть разочарованно забрал документы, пожал плечами:

– Эт самое... Ну, смотри!

И ушел.

Саныч открыл ноутбук, размышляя, стоит ли ему запечатать дверь и досмотреть вождеденный ролик. Потом глянул на время, понял, что, если он действительно хочет успеть на дачу до вечерних пробок, ему надо уезжать прямо сейчас. Не без сожаления закрыл браузер, выключил ноутбук, сунул папку с бланками отчетов в стол и вышел вон. Еще через пару минут Саныч покинул огромный ангар, где располагался склад, уселся в свою, успевшую прокалиться на солнце, машину, врубил радио погромче и выехал со стоянки.

ВОВЧИК

Когда она танцевала, вскинув руки и прикрыв глаза, Вовчик был готов умереть на месте. От восторга. От счастья. От осознания того, как сильно ему повезло – она его девушка. Его вселенная. Его душа. И пусть сердце его было похоже на плавленый сырок, а мозг при взгляде на Машу выдавал сотни умильных романтических сравнений, достойных влюбленного третьеклассника, Вовчик не стеснялся собственной сентиментальности. В жопу условности – он сегодня счастлив!

Не удержавшись, Вовчик достал смартфон, сделал пару фотографий – запечатлев тонкий силуэт Маши в толпе гостей. Боковым зрением перехватил ироничный взгляд Сереги – который, стоя у стола с выпивкой, незаметно наблюдал за его лицом – и показал другу средний палец. Этот засранец просто завидует.

Серега плеснул виски в два бокала и многозначительно поиграл бровями. Вовчик, хмыкнув, двинулся к нему сквозь толпу нарядных, синхронно скачущих под музыку гостей. Взял в руки бокал, снова посмотрел на Машу – откинув с лица длинную блестящую прядь, она позировала в камеру своего смартфона, пытаясь сделать эффектное сэлфи. В кадр то и дело лезли гости, чтобы составить Маше компанию. На мгновение Вовчику захотелось поставить вечеринку на ускоренную перемотку и поскорее добраться до того момента,

когда он выставит всю эту ораву за дверь и останется с Машей вдвоем, в спальне огромных апартаментов на шестьдесят третьем этаже башни «Око» в Москва-Сити, которые он снял специально, чтобы отпраздновать день ее рождения.

– Сколько ты за всё это заплатил? – проорал ему в ухо Серега, пытаясь перекричать бахающие басы.

Всё, что было на кредитке, которую он открыл специально для вечеринки. И еще немного сверху – то есть, по факту, Вовчик потратил вообще все деньги, которые у него были. Но об этом он решил никому не говорить – даже Сереге. Потому что, если бы тот узнал, что за аренду апартаментов, за фуршет, за украшение огромного помещения цветами и воздушными шарами, за лимузин, на котором Вовчик сегодня днем встретил и привез Машу в отель, за новенький костюм, который он приобрел специально для вечеринки, он отвалил около ста двадцати тысяч, друг бы просто покрутил пальцем у виска. А еще кольцо с настоящим бриллиантом – небольшим пока, на свадьбу он купит Маше бриллиант покрупнее. И специальный сюрприз, который вот-вот доставит транспортная компания. В общей сложности вышло около двухсот косарей.

Но оно того стоило! Потому что, когда Маша при виде лимузина открыла от удивления рот и восторженно воскликнула: «Вау!», а потом счастливо заорала: «Офигеть!», когда он пригласил ее в номер и, подведя к панорамным окнам, продемонстрировал Москву, раскинувшуюся у Машиных ног,

Вовчик понял, что ради подобной реакции он, если надо, и почку готов продать. Как бы избито это не звучало.

Как он будет отдавать кредит, Вовчик пока не придумал. Подумает об этом завтра. А костюм ему пригодится на свадьбе. Он не сомневался, что Маша скажет ему: «Да!».

– Не хочешь, не говори! – сказал Серега, и Вовчик понял, что так и не ответил на вопрос друга, сколько он за всю окружающую их роскошь заплатил. – За тебя, миллионер, хоть сегодня и не твой день!

И, звонко стукнувшись бокалом о бокал Вовчика, Серый залпом заглотив свой виски.

– Алё, не налегаем! – притормозил его Вовчик. – У нас еще дел вагон! Доставка не звонила?

Серый отрицательно покачал головой.

Вовчик досадливо глянул на часы – опаздывают! Ладно, все равно вечеринка до полуночи, так что даже если доставка опоздает на пару часов, это не критично.

– Я вот все не могу решить... – философски сообщил Серый, разглядывая пеструю толпу Машиных подруг, – кого бы мне трахнуть? Потапову, или вон ту блондинку, с татухой на запястье?

Вовчик покачал головой.

– Да хоть обеих сразу, главное, не здесь, окей?

– А чего это, не здесь? – с наигранным разочарованием протянул Серый. – Ты гостевой туалет видел? У меня спальня меньше... Мы по-быстрому!

Вовчик сунул другу под нос кулак и направился к Маше.

Пробившись сквозь толпу, он обнял ее сзади, чмокнул в затылок и увлек к огромному окну. Разгоряченная танцами, Маша прерывисто дышала, и Вовчику снова захотелось побыстрее добраться с ней до спальни. Нет, сегодня он никуда не спешит. Сегодня он король мира!

– Красиво, да? – проговорил он, вместе с Машей глядя на огромный, простирающийся до самого горизонта город. Пока вся компания выпивала и закусывала, день незаметно сменили сумерки, и теперь вокруг них до самого горизонта расползались светящиеся змеи улиц и проспектов.

– Очень! – кивнула Маша, пытаясь поймать в фокус смартфона красоту за окном.

Вовчик уткнулся носом в ее висок.

– Машуня, я так тебя люблю! – выдохнул он. – С днем рождения, котенок!

Маша кокетливо рассмеялась.

– Хочу, чтобы этот день не кончался! – резюмировал Вовчик и стиснул ее в объятиях.

– Улыбаемся! – проорала Потапова, вынырнув из толпы и ослепила Вовчика и Машу вспышкой – она успела прихватить на вечеринку свой дорогой фотоаппарат. – Ой, вы такие милые! – пропела она и повернулась к остальным. – Гайз! Гайз! А теперь групповое фото, пока не нажрались. Ну-ка, давайте! Маша в серединку!

Вовчик смотрел на Потапову, которая с видом классного

руководителя расставляет гостей вечеринки для общего фото, и думал, что она смешная. И веселая. Пусть Серега выберет ее, и бог с ним, пусть даже он трахнет ее в гостевом туалете. Пусть все одиночки сегодня найдут себе пару, займутся сексом, начнут встречаться, любить друг друга...

На мгновение он почувствовал себя Богом. Глянул на Москву сквозь стекло и с высоты шестьдесят третьего этажа мысленно повелел – плодитесь и размножайтесь! И будьте счастливы! Потом Потапова дернула и его за руку, впихнула в толпу нарядных друзей и несколько раз ослепила вспышкой своего фотоаппарата. Надо будет потом распечатать эти фото. Главное, чтобы Потапова по пьяни не потеряла карту памяти.

Из-за спины Потаповой возник Серега и выразительно помахал Вовчику рукой. Тот понял, что приехала доставка, повернулся к Маше.

– Котенок, у меня для тебя еще один сюрприз. Пять минут, хорошо?

Маша удивленно распахнула глаза.

– Вау! Какой ты щедрый!

Вовчик улыбнулся.

– Факт! Жди, я скоро!

Он сунул в рот канapé с лососем и вслед за Серегой направился к выходу из номера. Закрылась дверь, и звуки вечеринки остались позади.

Длинный изогнутый коридор, в который выходило мно-

жество дверей, привел их к лифту, где прямо на мраморном полу сидел огромный, завернутый в полиэтилен, плюшевый медведь. Медведя охраняла пара грузчиков в форменной одежде, делавшей их похожими на близнецов.

Серый при виде медведя притормозил, присвистнул.

– Ни хера себе, размерчик! Я думал, ты обычную игрушку заказал, просто очень большую.

– Не, такого размера, как мне надо, не было – так что мне его на заказ сшили! Знаешь, сколько я за это отвалил? – хвастливо поинтересовался Вовчик. – Лучше тебе не знать!

Он обошел медведя кругом, придирчиво осмотрел, пощупал.

– Если все устраивает, распишитесь, пожалуйста! – протянул ему один из грузчиков прикрепленный к планшету бланк доставки и ручку.

– Только вы не уезжайте пока, хорошо? Мне его еще в апартаменты внести нужно будет, – попросил грузчиков Вовчик. – Серег, найдешь пятихатку? – поинтересовался он, ставя размашистую подпись и галочку возле строки: «претензий к доставке не имею».

Серег, поняв, что друг на мели, с иронией кивнул, пошарил по карманам, выудил несколько мятых соток, протянул их близнецам.

– Чуваки, тут триста. Чем богаты. Сорян!

Доставщики, не обидевшись, спрятали деньги и синхронно уткнулись в свои смартфоны, в ожидании дальнейших

указаний. Вовчик разодрал полиэтиленовую упаковку, которой был обернут медведь, и скомандовал:

– Тащи мой рюкзак. Он в шкафу, при входе. Сейчас будем делать медведю харакири!

ПИТБУЛЬ

В прыжке он развернулся и вонзил длинный кинжал в грудь противнику. Тот, взмахнув руками, завалился на остальных преследователей, и это подарило Питбулю фору – он ринулся вниз через две ступеньки, выскочил на узкую каменную площадку между этажами и вылез в окно.

Питбуль стоял на узком парапете, идущем вдоль бесконечной крыши собора, и край его туники трепал ветер. Внизу раскинулась рыночная площадь, забитая телегами, горами сена, развалами овощей и глиняных горшков. Люди с такой высоты казались Питбулю мошками. У его ног, венчая водосточный желоб, злобно скалилась каменными зубами горгуля – то ли рогатая обезьяна, то ли летучая мышь. Питбуль глянул вниз, оскалился не менее грозно, сунул кинжал в ножны и, привычно уклонившись от стрелы, вонзившейся в черепицу возле его ног, побежал по скользкому скату крыши в сторону гигантского шпиля.

Преследователи были уже близко, но именно сегодня ему сопутствовала удача! Он достиг шпиля без единого ранения, подпрыгнул, ухватился за торчащий из камней край кованой лестницы и ловко полез вверх. Стрелы вились в возду-

хе, словно шершни, впиваясь в стены и заставляя Питбуля уклоняться влево-вправо. Висящий в ножнах кинжал то и дело цеплялся за кованые ступени. Но Питбуль рвался ввысь со звериным упорством и, наконец, достиг вершины шпиля, вскарабкался на венчающий его крест и замер.

Еще ни разу он не заходил так далеко! У его ног раскинулся город, который он сегодня покорил. Влево, куда хватало глаз, уползала вереница разноцветных крыш. Вправо, сразу за городской площадью, тянулась огромная крепостная стена, змеей уползающая в Серую Пустошь. Прямо перед Питбулем, переливающийся в лучах низкого солнца, до самого горизонта расстилался океан, изредка распадаясь на неподвижные пиксельные островки.

Ему уже давно надо было поставить более мощную видеокарту.

Из забытья Питбуля вывела стрела, просвистевшая у самого лица. Нужно спешить! Он поудобнее ухватился за крест и глянул вниз. Там, у подножия собора, у ворот, находилось его спасение – огромная телега с сеном. Впрочем, с высоты шпиля она казалась не больше спичечного коробка. Питбуль оглянулся – с другой стороны шпиля по его душу навстречу карабкались преследователи. Он торжествующе ухмыльнулся – сегодня они его не остановят! – осторожно забрался на самую верхушку креста, выпрямился и замер, словно пловец на вышке. Раз, два... Питбуль еще раз глянул вниз, примеряясь. Сгруппировался. Закусил губу...

И в тот момент, когда на крест легла рука первого, преследующего его воина, Питбуль злорадно проорал:

– Адьос, мудачье! – и прыгнул вниз, раскинув руки, как птица.

Три!

Падение длилось несколько восхитительных мгновений – потом он сделал в воздухе сальто и рыбкай вошел в сено. Тут с его головы сорвали наушники.

– Паша, ты уроки сделал?

Блин!

Питбуль судорожно сохранился, развернулся в кресле и с возмущением уставился на мать снизу вверх.

– Уроки! – повторила она требовательно.

Какое у нее... старое лицо...

Как всегда, после долгих игровых сессий, Питбуль возвращался в реальный мир с некоторым... отставанием. Несколько мгновений всё вокруг него было чужим. Бессмысленным. Словно увиденным впервые. Крохотная захламленная комната. Узкий облезлый платяной шкаф. Старые книжные полки над односпальной кроватью. Засаленные обои. Дурацкие занавески с машинками, которым уже миллион лет. Он, Питбуль, был еще там, на крыше собора, в самом лучшем из миров, вдыхал воздух свободы и приключений. А здесь на него уставились, не мигая, серые требовательные глаза матери, и Питбуль словно впервые заметил, какие у нее глубокие морщины возле рта.

Питбуль потер лицо, свернул игру.

– Сделаю, – угрюмо сообщил он.

– Когда?

Когда вы все от меня, наконец, отстанете!

Питбуль услышал звук входящего сообщения, нашел взглядом телефон, лежащий на кровати, встал с кресла и улегся на одеяло, глядя в экран. Это Леший, прислал лаконичное: «Го за гаражи!». Питбуль обрадовался – он уже думал, что парни сегодня пойдут тусить без него. Он ткнул пальцем в «ответить абоненту», но мать выдернула из его рук смартфон.

– Я с кем разговариваю? Ты глухой?

Питбуль, стараясь казаться спокойным, вытянул руку.

– Ма, че ты пристала? Телефон отдай!

Мать, гневно зыркнув на него, развернулась и вышла вон.

Охренеть! Раньше она себе такого не позволяла!

Питбуля подкинуло на кровати, и он рванул следом.

На кухне, как всегда, воняло отвратительным варевом – мама готовила один из своих диетических супов, которые он ненавидел. Надо валить быстрее, пока она не заставила Питбуля его съесть. А еще за столом сидела Ба – старая морщинистая тортилла, даже в самую жару облаченная в неизменный махровый халат и идиотский берет. Если бы Питбуль не знал, что Ба живая, он бы с легкостью мог принять ее за восковую фигуру в каком-нибудь дешевом музейчике ужасов – древняя старуха в огромных очках, застывшая с чашкой чая

над не менее древней книгой. Тряхнешь ее посильнее, и от нее останется кучка песка и вставная челюсть.

Войдя, мать положила смартфон на стол и принялась помешивать булькающий бульон. Питбуль протянул руку, забрать телефон, но мать, не оборачиваясь, рывкнула:

– Не смей! Сначала уроки!

– Чо за беспредел? – рывкнул в ответ Питбуль и все-таки взял телефон. Он набрал Лешему в ответ: «5 сек», но опра-вить не успел – мать снова отобрала у него смартфон и по-ложила на стол. Рядом с Ба.

– Чо за концлагерь? – взвился Питбуль. – Охренеть!!

Ба оторвалась от книги и немного брезгливо глянула на него поверх очков.

– Павлуша, пожалуйста! Я бы не стала сравнивать...

– Чо, Павлуша, ба? Чо она ко мне прикопалась? – продол-жал возмущаться Питбуль.

Мать состроила обиженное лицо.

– Человеческим языком прошу, сделай уроки, а потом иг-рай! Мне из школы звонили. Скатился на двойки. Всем ха-мишь. Перед бабушкой не стыдно?

Питбуль хмыкнул, забрал телефон и все-таки отправил Лешему сообщение. Потом глянул на мать – бровки доми-ком, на бабку – губы куриной жопой, и отчеканил:

– Не стыдно. Вы меня задолбали, ясно?

– Задолбали? – взорвалась мать. – Хорошо! Тогда я от-ключу тебе Интернет.

У Питбуля аж дыхание сбилось от ярости.

– Овца! Я из дома тогда уйду! Поняла?

Они смотрели друг на друга – оба бледные от злости.

– Марш в свою комнату! – приказала мать.

В комнату? Он ей что, пятилетка?

Питбуль вдруг рассмеялся – он внезапно понял, что две этих надоедливых тетки не имеют над ним никакой власти! – потом выставил вверх средний палец и выплюнул:

– Отсосите!

Развернулся и выскочил в коридор. Сунул ноги в кроссовки, сорвал с крючка рюкзак. Вслед ему донеслось озабоченное бабкино: «Павлуша!». Но Питбуль уже вышел из квартиры и изо всех сил бахнул дверью. Чтоб вы там все сдохли!

КИРА

– Так, детка, давай, поддай жару! Глаза чуть повыше. Хорошо...

Гоша с фотоаппаратом наперевес скакал вокруг Киры, выискивая интересный ракурс и нещадно гоня ассистентку с отражателем то влево, то вправо.

– Да, голову вот так, чуть набок. А теперь улыбнись. Не скалься, а улыбнись. Молодцом... и взгляд чуть посветлее... Как ты умеешь.

Кира, которая старательно тянула шею, чтобы на коже не было не единой складочки, неестественно склонилась вправо. За ее спиной, мирно дыша, сидел огромный мохнатый

зверь. Одну лапу по команде дрессировщика медведь положил ей на плечо, поверх тонкой вышитой ткани дорогого платья, и Кира, ощущая тяжесть этой огромной лапы, в глубине души испытывала легкий первобытный страх – дернешь плечом, и эта зверюга оторвет тебе руку. Впрочем, медведь больше походил на послушный реквизит, а вот идиотский кокошник, который еще вчера, на примерке, идеально сидел на голове Киры, теперь все время норовил съехать ей на лоб, а голова под ним начала адски потеть и чесаться.

Гошу сунул объектив ей в лицо, прищурился, глянул в видоискатель.

– Киса, ну чего такой кисляк? Давай что-то с настроением придумаем!

Он оглянулся на Стасю, которая была погружена в переписку в смартфоне, и пожаловался:

– Стася, может, ты повлияешь на нашу звезду.

Кира могла поклясться – слово «звезда» Гоша произнес с едва заметной издевкой.

Стася глянула на экран фотоаппарата, который ей продемонстрировал фотограф, глянула на Киру. Подошла поближе.

– Мать, ну правда, давай как-то с настроением поработаем. Сама же хотела романтические фото в русском стиле. А фейс – как на похоронах.

Кира перевела мрачный взгляд со Стаси на Гошу.

– Пусть снимает, я потом выберу.

– Мась, не вопрос, но мне твое настроение замазать никакого фотошопа не хватит! – попытался сострить Гоша.

– Серьезно, говно получается! – поддакнула Стася.

Где-то в глубине Кирино организма треснула последняя хлипкая преграда в виде остатков самообладания, и бурлящий фонтан гнева и негодования выстрелил в стратосферу. Кира вскочила и сорвала с себя ненавистный кокошник.

– Говно получается? Это не у меня, это у тебя, Стася, говно получается! Охваты падают, мерч не продается ни хрена! А я, вместо того, чтобы в кино играть, должна идиотские челленджи снимать, для малолеток!

– Да что ты так из-за этого кино переживаешь? – запротестовала Стася. – Ежу понятно, что получится очередная шляпа!

– Шляпа, Стася, это ты! Чипсы эти лоховские ты мне на фига впарила? Мне пора уже амбассадором Шанель быть, а я, блин, это говно синтетическое рекламирую!

Кира ткнула пальцем в коробку спонсорских чипсов, которые стояли у внедорожника. Гримерша Света после ее слов перестала жевать и испуганно замерла с открытым пакетиком «Лучшей картошки» в руках. Бекон и фейхоа? Кто вообще у них придумывает сочетание вкусов для чипсов? Технолог с биполяркой?

– Это хорошие чипсы, экологические! – уязвленно сообщила Стася.

– Наебалово это всё! Их даже сраный медведь жрать не

станет!

Кира махнула рукой в сторону медведя и случайно заехала зверю по морде. Тот недовольно отвернулся.

Дрессировщик, всё это время молча стоявший поодаль, бросился к медведю, ухватил его за ошейник.

– Можно не кричать? Ваша нервозность передается животному!

– Слышь, Николай Дроздов! – взвилась Кира. – Если бы не я, твое животное с голодухи бы сдохло. Ты деньги хочешь получить? Вот и не вякай!

Дрессировщик состроил недовольное лицо. Кира обвела всех, присутствующих на полянке, разъяренным взглядом.

– Это всех касается. Я вас кормлю, между прочим! В стране кризис, работы ни хера, другие блогеры с персоналом по бартеру рассчитываются, а я вам кэш отстегиваю. Поэтому, камон! – собрали жопки в кулак, и работаем!

Кира перевела дух. Гоша бросил на Стасю недоумевающий взгляд, но ничего не сказал. Гримерша и ассистентка испуганно переглянулись. Кира царственным жестом надела кокошник и вернулась к медведю. Дрессировщик дал зверю беззвучную команду, и тот снова уселся на огромную задницу и положил Кире на плечо тяжелую лапу. Гоша поудобнее взялся за фотоаппарат, взглядом показал ассистентке место, куда она должна встать с отражателем. Все, наконец, занялись делом. И только Стася, поодаль, стояла с недовольно поджатыми губами. Надо будет ее уволить к чертовой бабуш-

ке, решила Кира и ослепительно улыбнулась в объектив.

ЛИДА

Какое-то время она стояла в подъезде, прислушиваясь – не идет ли кто? Сердце тревожно бахало в груди, и Лида трижды порывалась сбежать. Здесь, на лестничной клетке, добравшись до заветной двери, она внезапно почувствовала себя глупо. «Что за детский сад?» – произнес внутренний голос с маминой интонацией. Это, и правда, был «детский сад» – вламываться в квартиру своему бывшему. Чтобы что? Что она ему сможет доказать? Лида, докурив вторую подряд сигарету, мрачно смотрела на родную некогда дверь. Доказать она ему уже не ничего не сможет. А вот больно укусить напоследок...

В том, что в квартире точно никого нет, она была уверена – придя, она несколько раз настойчиво позвонила в дверь и, спрятавшись между этажами, подождала, откроет ли кто-нибудь. Никто не открыл, и за самой дверью царила тишина. В том, что Лев не успел сменить замки, она тоже убедилась – поочередно аккуратно вставила ключи в обе замочные скважины и провернула их туда-сюда. Работает! Но войти в квартиру Лида пока не решалась. Что-то ее останавливало.

«Трусиха!» – мысленно обозвала себя Лида. Если сейчас сбежать, она всю жизнь будет жалеть о том, что у нее духа не хватило поставить жирную точку в их со Львом истории. Поэтому, мысленно досчитав до трех, она потушила окурок

в банке из-под кабачков, которая обреталась на этаже, снова отперла дверь и, воровато оглянувшись, юркнула в квартиру.

Внутри щелкнула замком и прислушалась. Ни единого звука. Осторожно осмотрелась – в прихожей все было, как раньше, только на крючке у двери висел кичливый красный плащ из лакированной кожи, а на полу обнаружили две пары одинаковых домашних тапочек. Одни побольше размером, другие – поменьше. Каждую пару украшала надпись, вышитая золотом: «Любимый котик». «Какая пошлость!» – подумала Лида и, не разуваясь, прошла в гостиную.

Гостиную изменения коснулись сильнее. Разумеется, не было фотографий Лиды и Льва, висевших раньше возле книжных стеллажей – теперь на их месте висели какие-то морские пейзажи. Огромный угловой диван, обтянутый бежевой кожей, переключался к окну. Вместо солидного ковра на полу лежала коровья шкура. Дешевка из Икеи, определила Лида. Уж кто-кто, а Лев мог позволить себе что-то подороже. Просто у его Вероники нет вкуса, ухмыльнулась она. А потом краем глаза ухватила стоящий на стеллаже большой стеклянный шар с Эйфелевой башней внутри, и почувствовала комок в горле. Этот шар они со Львом купили во время свадебного путешествия в Париж. Лида взяла шар в руки, потрясла его. Хлопья искусственного снега взметнулись и принялись печально планировать внутри маленького сферического мирка, покрывая слоем белой перхоти пластиковую Эйфелеву башню. Вот и жизнь со Львом оказалась та-

ким же фальшивым, искусственным мирком, в котором всё было сделано из пластмассы.

Лида поставила шар на место и вышла вон – в спальню.

В спальне, окинув желчным взглядом небрежно прикрытую пледом кровать – Лида себе такого не позволяла! – и язвительно хмыкнув при виде кокетливых дамских тапочек на каблуке и с меховыми помпонами, валявшихся у кровати, она распахнула шкаф. Так и есть – снизу доверху огромный платяной шкаф был завален вещами Вероники.

Боже, что за дешевое варьете! Лида с легкой брезгливостью раздвинула висящие на плечиках тряпки. Кофточки на бретелях, кричащих цветов, блузки с оборочками и глубокими вырезами, леопардовый кардиган и брючки, ему в тон. Шелковые платья-комбинации, с разрезами и кружевом. Лида саркастически рассмеялась – какая безвкусица! Она беспардонно выдвигала полки, рылась в развалах косметики, рассматривала пузырьки с духами – все сплошь приторно-сладкие ароматы. Наткнулась на огромный ящик с нижним бельем – комплекты были дорогие, богато украшенные кружевом, стразами, кокетливыми бантиками. Все трусики были размера S. S? Это вообще какой размер? Для подростков?

Впав в неконтролируемую ярость, Лида вышвырнула с полки бюстгалтеры и трусики и принялась топтать их, словно клубок ядовитых змей. Потом внезапно разрыдалась, сев прямо тут, возле шкафа, на пол. Злость и ярость сменились

детской обидой. Как вообще мог Лев предпочесть ей, Лиде, эту глупую бездарную куклу? Неужели все дело исключительно в размере задницы?

Наконец, немного придя в себя, Лида вытерла мокрое лицо подолом первого попавшегося платья, из шкафа – оставив на ткани длинные черные разводы. Глянула на себя в зеркальную дверцу – опухшие глаза, всклокоченные волосы. Отвернулась, не в силах видеть собственное перекошенное лицо. И наткнулась взглядом на парадную фотографию Льва и Вероники – над кроватью, в золоченой рамке с вензелями. Как она ее раньше не заметила? С фотографии на зареванную Лиду торжествующе смотрела Вероника – эффектная сучка на два размера ее стройнее и на пять лет моложе. Лев, обнимающий эту гиену, нежно уткнулся губами ей в висок. Лида, окаменев, рассматривала изображение в рамке – это была даже не фотография, это была писаная маслом картина!

Вопреки ожиданию, картина не ввергла Лиду в новый приступ рыданий – а наоборот, отрезвила. Она поднялась с пола, заколола волосы, подтерла поплывшую тушь. Холодно усмехнулась. Затем вышла, и спустя пару мгновений вернулась – со стеклянным шаром из Парижа, в руках. Взвесив шар на ладони, Лида примерилась и метнула его в лицо Вероники, на холсте. Шар пушечным ядром вошел в масляный лик разлучницы и брызнул во все стороны стеклянными осколками.

САНЫЧ

К досаде Саныча, он все-таки попал в пробку, у самой развязки МКАД, на въезде в Химки. На навигаторе путь на пару километров вперед был окрашен в унылый красный. Сумерки накрыли город, и Саныч с неудовольствием понял, что доберется до дачи уже затемно. А он еще хотел немного поработать, разобрать крышу старого сарая, до которого никак не доходили руки.

Невнятно бормотало радио. Саныч осмотрелся – в машинах таких же, встрявших в пробку, бедолаг, все были заняты своими делами. Грузная женщина средних лет, в автомобиле справа, ругалась с кем-то по телефону. Уютный дедок с роскошными усами в автомобиле слева сосредоточенно ковырял в носу. Из машины, стоящей перед машиной Саныча, на него бессмысленно пялилась обалдевшая от духоты в салоне собака. Саныч покачал головой, снял с подставки телефон, ленивым пальцем пролистал новостную ленту.

Палец привычно соскочил на иконку браузера, и нашел во вкладках оранжево-черную страницу порно-сайта. Для разнообразия, в пробке, можно полюбоваться и на профессиональных порно-звезд. Саныч подождал, пока загрузятся стоп-кадры из предлагаемых роликов, не спеша пролистал их вниз. Ткнул в один из загруженных на сайт совсем недавно.

На экране смартфона ожила и призывно улыбнулась в

камеру соблазнительная брюнетка с большой грудью, едва прикрытой крохотным купальником. Саныч неосознанно улыбнулся, наблюдая, как брюнетка эффектным движением развязывает тесемки купальника, чуть наигранно имитируя смущение. Грудь выскочила из купальника с громким гудком – Саныч не сразу сообразил, что это сигнал стоящего позади авто.

Он огляделся – машины в его ряду продвинулись далеко вперед. Бросив смартфон на пассажирское сиденье, Саныч нажал на педаль газа.

ВОВЧИК

Глядя, как Вовчик ловко вспарывает плюшевое брюхо канцелярским ножом, Серый, придерживающий набитое ватой медвежье туловище, покачал головой.

– Ты прям маньячелло, братан! Ты уверен?

Вовчик хмыкнул и принялся вытаскивать из медвежьего брюха куски ваты.

– Что помещусь? Конечно, я ж его по размерам заказывал.

Растерянно повертевшись на месте, Вовчик начал складывать ватные внутренности медведя на обрывки полиэтилена.

– В этом я не сомневаюсь! – хохотнул друг. – Ты из нас единственный, кто в пятом классе в заборе не застрял, когда мы с олимпиады сбежали. Я про это!

И Серега вынул из кармана коробочку с кольцом, которую Вовчик сдал ему перед началом тусовки на хранение. Вовчик

замер, удивленный.

– Не понял.

Сереге замялся.

– Вован, просто... Вы же только полгода встречаетесь. И все это время она тебе мозг выедает. Чайной ложкой. То не это, это не это.

Вовка даже не обиделся, просто криво улыбнулся.

– А у тебя, Серый, не так, что ли, с Полинкой было? А вы с ней сколько – три года протелепались?

– Именно! Протелепались. И разбежались – к счастью. А ты жениться собрался. Оно тебе надо?

Вовчик молча смотрел на друга – вот именно сейчас, после того как они сто раз все обсудили, Сереге вдруг решил отговорить его от предложения?

– А до этого чего молчал?

Сереге пожал плечами.

– Не хотел настроение тебе портить. Ты такой одухотворенный тут порхаешь. Как гребаная бабочка. Я все понимаю, ты пять лет за ней бегал.

– Ухаживал, – парировал Вовчик.

– Пресмыкался! – ткнул в него пальцем Серый. – Называй своими именами. Страдал и терпел, пока она там хвостом крутила, с разными... Она и встречаться с тобой стала, только потому что ее Игнатьев отшил. Ты прям этого не видишь? Нет?

Вовчик помрачнел.

– К чему спич, не тяни! – сказал он.

Сергея пожевал ноготь.

– Короче, может ты погодишь, с кольцом? Тусовка, номер в небоскребе, бухач фильдеперсовый – ради бога! Хочешь всем пыль в глаза пустить, валяй! Но насовсем эту кралю себе на шею сажать? Она тебя прожует и выплюнет!

Вовчик на мгновенье прикрыл глаза. А то, он сам не знает, что Маша наконец обратила на него внимание только после того, как ее послал этот мажор Игнатъев. Именно поэтому счастливый Вовчик уже полгода вон из кожи лезет, чтобы переплюнуть всех ее бывших мужиков. Организовывает романтические пикники. Дарит букеты размером с дирижабль. Оплачивает ей дорогие фотосессии. В постели убажует по три часа.

Он и кольцо решил ей предложить именно сейчас, пока она не очухалась. Пока у нее от его активных ухаживаний голова кругом. Пока все подружки поют ей в уши: «Ой, вы такие милые!». Вовчик панически боялся, что еще пару месяцев, и Маша начнет остывать, посмотрит на него чуть более трезвым взглядом и поймет, что нет в нем ничего особенного. Две руки, две ноги, родительская двушка в Одиново. Вот и весь социальный капитал. Да, он ее любит по-настоящему. А толку? Можно подумать, это сейчас кому-нибудь нужно.

А еще Вовчик спешил, потому что у него вот-вот кончатся деньги. Уже кончились. И завтра, после выписки из фе-

шенебельных апартаментов, максимум, на что Вовчику хватит – на две поездки в метро, для себя и Маши. Если, конечно, Серый не одолжит ему штуку на такси. Так что да – сейчас, или никогда, он может подкатить к любимой женщине с кольцом – главное, чтобы она сказала: «Да!». А как выкручиваться дальше, он придумает!

– Я всё решил. Разговор окончен. Я сдохну – но сделаю так, чтобы она была счастлива. Понял?

Серега смущенно кивнул.

– Сорян, бро, если зацепил. Твоя баба – твой геморрой.

Вовка похлопал друга по плечу.

– Именно!

Он осмотрел медведя и решил, что вынул ваты достаточно. Приноровившись, Вовчик полез внутрь игрушки, с трудом втискивая ноги и руки в его толстые лапы. Самым сложным было надеть на себя голову – она была тесной, почему-то пахла клеем и совершенно закрывала обзор. Надо было попросить, чтобы на фабрике оставили пустые глазницы. Ладно, сидеть ему внутри недолго – ровно до того момента, как Маша получит подарок. Выскребя из медвежьей головы излишки ваты, Вовчик напялил ее на себя на манер огромной шапки, натянул до носа, глухо скомандовал Серому:

– Кольцо!

И, зажав коробочку в руке, сунул ее в лапу. Серый, покачивая головой, достал из пакета степлер и принялся закреплять на Вовчике плюшевую ткань.

ПИТБУЛЬ

Хорошо, что Леший купил всем пива – денег у Питбуля не было, а залить идиотское послевкусие после общения с матерью хотелось. Спустя половину банки он повеселел и почти забыл, что вечером ему придется возвращаться домой и как-то снова существовать в одной квартире с двумя мегерами. Может, попроситься к Лешему на дачу? Или вообще, разместиться здесь, в недостроенной высотке, этаже на третьем? Матрас он найдет, на дворе май. До сентября можно легко перекантоваться. Питбуль хихикнул, представляя, как мать и бабка обалдеют, узнав, что домой он возвращаться не собирается.

Питбуль поудобнее облокотился на кусок кирпичной кладки, и осмотрелся. Если подумать, здесь даже уютно. Весь первый этаж замороженной когда-то стройки был изрисован цветастыми граффити. В дальнем углу, у самого забора, обретались несколько обшарпанных кресел и даже диван. Правда, мягкую мебель всегда занимали парни постарше, а за горами кирпича и щебня, разбросанного по территории, регулярно гадили бомжи и кошки, но в целом, жить в заброшенной высотке можно. Питбуль был готов спать на голых кирпичах, лишь бы не видеть дома надоевшие кислые рожи.

Внезапно к нему вернулось утерянное после скандала с матерью ощущение восторга и полной свободы – он поймал его перед прыжком, во время игры. Да, прыжок был вирту-

альным, а ощущение свободы настоящим. Питбуль улыбнулся – в жопу правила! Если дома попробуют только пикнуть в его сторону, он соберет вещи и свалит.

Костян в два глотка допил свое пиво, показательно рыгнул, смял банку и точным ударом забросил ее в огромную гору мусора, размокших картонных коробок и мотков полиэтилена, курганом высившихся возле одной из стен. Леший, отвлекшись от видео, которое ему дал посмотреть Питбуль, достал из рюкзака новую банку и подал Костяну. Потом поставил видео на паузу.

– В жизни так не бывает.

На смартфоне Лешего, в ролике с Ютуба, завис посреди серого неба компьютерный персонаж – это Питбуль пытался продемонстрировать друзьям, какой сложный уровень он сегодня прошел.

Много Леший понимает!

– Бывает! – хмыкнул Питбуль снисходительно и принялся искать нужное видео в сети. – Это игра основана на реальных событиях. В средние века наемные убийцы и не такое могли. Почитай! А когда киношку на основе игры снимали, у них каскадеры прыгали, без страховки. Вот!

И он сунул другу под нос документальный ролик со съемок фильма. Там парень в шлеме готовился к прыжку с огромной, специально сооруженной вышки.

– С высоты тридцать восемь метров лететь почти три секунды. Прикинь?

Леший и Костян с сомнением уткнулись в экран. Парень, чуть помедлив, сделал шаг и ухнул вниз, в огромную надувную подушку. Леший поморщился.

– Блин, без страховки это как-то крипово.

– На фиг страховка? Тут же есть эта фигня надувная! – кивнул в экран Питбуль.

– Фигня надувная? – проблеял над ухом гнусавый голос. – Мелюзга, вы тут баб резиновых обсуждаете?

– Ха-ха! – подхватил второй, не менее мерзкий голос. – Реальные бабы им хер дадут!

Питбуль спрятал телефон. Из наступающих сумерек материализовались два местных укурыша, Конь и Сиплый. Они изучающе оглядели Питбуля и его приятелей.

– Угостите дядю Колю пивчанским? – поинтересовался Конь, сутулый жилистый тип в выцветшей футболке.

Леший без возражений полез в рюкзак и отдал ему последнюю банку пива.

– За чо трете, пацанва? – поинтересовался Сиплый, сплюнув сквозь гнилые зубы.

– Игру одну обсуждаем, – как можно более мирно сообщил Питбуль.

– О! – оживился Сиплый. – И что там надо делать, в игре? Ставить на красное?

Сиплый и Конь синхронно захрюкали. Костян бросил на Питбуля осторожный взгляд. По-хорошему, надо бы им лизнуть отсюда, подумал Питбуль. Но внутренний кураж, кото-

рый он поймал пару минут назад, обнулил поднышующую в душе тревогу. Чего им бояться местных нариков? Почешут языком и отойдут.

– Там, короче, фишка такая, – пустился в объяснения Леший. – Чувак прыгает с крыши и не разбивается.

– Не чувак, а обученный наемный убийца, ассасин, – перебил друга Питбуль. – Он совершает прыжок веры. А внизу стоит телега с сеном, или еще что-то, мягкое. Для подстраховки.

Питбуль в качестве демонстрации подошел к куче мусора и пнул ногой грязный ком строительного утеплителя.

– Если все рассчитать, любой человек может прыгнуть и не разбиться.

Сиплый вперил в него скептический взгляд.

– Гонево!

Много Сиплый понимает!

– Спорим? – в запале спросил Питбуль.

– Спорим, – пожал плечами Сиплый, глотнув пива.

И лишь пару секунд спустя, заметив испуганно вздернутые брови Лешего, Питбуль понял, что облажался.

КИРА

Солнце почти село, когда Гоша, наконец, закончил делать фото.

– Ииии, снято! – бодро сообщил он, бегло просмотрев последние снимки на экране своей камеры. – Всё было замеча-

тельно!

– Спасибо за съемку, все прекрасно отработали! – директорским тоном подытожила Стася и зааплодировала.

К ее хлопкам с нарочитым позитивом присоединились гримерша и ассистентка Гоши, и все тут же принялись споропаковать вещи и оборудование. К медведю подошел дрессировщик, сунул ему в пасть яблоко и защелкнул на ошейнике зверя карабин поводка.

– Стопэ! – скомандовала Кира, растирая затекшую после неподвижного позирования шею. – Мне с ним еще сторис надо снять!

– Девушка, всё, Семен устал и проголодался.

И дрессировщик потянул за собой хрустящего яблоком Семена.

Кира стиснула зубы. Устал и проголодался? Этот медведь устанет только тогда, когда она, Кира, решит. Сунув в руки Стасе кокошник, Кира подобрала подол и рванула за медведем, включая на ходу камеру смартфона.

ЛИДА

Еще никогда обычный нож для разделки рыбы не делал Лиду настолько счастливой! Он удобно лежал в руке и позволял ей быстро и ловко превращать скучные старые вещи в экстравагантные новые. Так, три кожаных дамских курточки Лида с помощью ножниц стремительно превратила в набор кожаных ремней. Коллекция шелковых платьев –

хрясь-хрясь! – трансформировалась в ворох дизайнерских лоскутов, которыми вполне можно набить диванные подушки. Впрочем, ни дивана, не подушек больше не было – были кучи рваной ткани и поролона, из которых Лида, словно художник-авангардист, соорудила инсталляцию посреди гостиной, собрав ошметки поролона в кучу и залив их сверху подсолнечным маслом. Современное искусство!

Она искромсала ножницами кружевные бюстгальтеры, слила в унитаз дорогие духи, сунула в микроволновку айпад, поставив таймер на «разморозку», вылила в коробочки с украшениями Вероники банку вонючего клея, найденную в кладовке. Хаотично прорвала тут и там шелковое постельное белье и несколько раз воткнула в матрас острие ножниц – словно обезумевший воин, глумящийся над телом поверженного врага. Посчитав, что этого мало, Лида затарилась на кухне сырыми яйцами и забросала ими стены спальни и гостиной. Квартира окончательно приняла вид жилища, в котором рванула боевая граната.

Где-то на кухне с хлопком взорвалась микроволновка. «Айпад разморозился», злорадно подумала Лида. И, отправившись на кухню, окинула ее взглядом художника в творческом экстазе. Пожалуй, здесь тоже можно добавить пару штрихов. Распахнув дверцы шкафов, Лида начала методично вытаскивать и швырять в стену тарелки, чашки, бокалы и салатницы. Засыпав полы битой посудой, Лида выволокла из холодильника и набросала сверху всю, имевшуюся там

еду. Затем, достав из ящика топорик для рубки мяса, Лида, словно Валькирия, издала боевой клич и начала рубить всё, что попадалось под руку – дверцы шкафчиков, стены, занавески, кофемашину, цветочные горшки, стоящие на полках безделушки. Кушайте, не обляпайтесь!

Наконец, совершенно выбившись из сил, Лида обвела взглядом разоренную кухню, с удовлетворением воткнула топорик в горшок с орхидеями, опустилась на стул и закрыла глаза. Кажется, даже после самого лучшего в жизни секса она не получала подобного удовлетворения.

САНЫЧ

За Солнечногорском трасса была почти пустой, и Саныч, наконец, смог выжать из автомобиля нормальную скорость. Он смотрел на шоссе, слушал пассажи какого-то виртуозного пианиста, пустившегося в импровизацию на волнах радио «Джаз»... А потом его посетила шальная мысль. Саныч бросил взгляд в зеркальце заднего вида – никого. Впереди, вдалеке, по трассе бодро шла легковушка. Дорога практически чиста, и никто не помешает Санычу поближе пообщаться с девицей, которая уже успела оголить сиськи, специально для него.

Саныч вставил смартфон в подставку на торпедо и разблокировал экран. Она ждала его – замершая на паузе, роскошная шлюшка, за подписку в 10 долларов в месяц готовая ради него на всё. Саныч поудобнее устроился на сиденье и на-

жал на «play». О, да, это именно то, чего ему не хватало в последние пару часов – выпустить пар. И, представив, что брюнетка реальна – и едет с ним на дачу, рядом, на пассажирском сиденье – Саныч расстегнул брюки и наклонил голову воображаемой спутницы к своему паху. Да, сучка, вот так. Бери его весь. Глубже!

ВОВЧИК

Внутри было жарко и душно, и Вовчик, сидя во тьме в чреве огромной игрушки, отчаянно мечтал, чтобы Маша, наконец, дернула наскоро соединенную степлером шкуру, он бы выбрался наружу и предложил ей кольцо. Окружающий мир долетал до него сквозь толстый слой ваты. Бум-бум, продолжала бахать музыка. Полы вокруг него вибрировали в такт, вечеринка не думала сбавлять обороты. Но где же Маша, почему не спешит распаковать свой главный сюрприз?

С того момента, как его – вернее, огромного медведя – внесли в апартаменты грузчики и посадили посреди зала под возгласы удивления и веселое улюлюканье, прошло минут десять. Вовчику они показались вечностью. Еще пара минут, и он сам вылезет наружу. Он уже успел понять, что идея с медведем была идиотской. Лучше бы он заказал картонный торт, из которого можно было вылезти на манер стриптизера. По крайней мере, в картонном торте тебе не забивается в нос вата. Вовчик поморщился, попытался чихнуть, но только глубже втянул в нос кусок игрушечных медвежьих внут-

ренностей.

К нему кто-то подошел и привалился сбоку.

– Вовчик, короче, они ваще не поняли, что внутри человек! – зашептал громко сквозь вату Серега. – Идиоты!

Вовчик заерзал внутри игрушки, пытаясь согнуть руку – вернее, лапу – и почесать нос. Безрезультатно.

– Машка чет морозится, Потапова сказала, она думала, что ты ей айфон подаришь. А медведь – это, типа, детский сад, – отчитался Серый. – Ну, Машка так сказала. А я тебя предупреждал, что она не поймет!

Вовчик, слушая друга, отчаянно пытался сделать хоть что-то, чтобы попавшая в нос вата перестала его донимать. На глазах выступили слезы.

– Серый, вынимай меня! – промычал сквозь медвежью голову Вовчик.

Получился невнятный бубнеж. Вовчик попытался набрать в легкие побольше воздуха и повторить просьбу громче – но только закашлялся. Теперь ему и в рот попала вата.

– Я, кстати, решил, что трахну Потапову, – весело продолжил невидимый Серега. – Сиськи у нее – огонь. Я уже заценил. Она по ходу, тоже не против. Ты это, тут пока посидишь? Давай, короче, если Машка не отморозится, я тебя минут через десять сам вытащу.

Десять минут? Вовчик запаниковал. Он попытался нащупать Серого непослушной лапой, но друг уже ушел. За десять минут он тут взопреет, как курица в духовке, и нажрет-

ся ваты. Вовчик заерзал, пытаясь сменить позу и встать, но огромная туша медведя не слушалась, и все, что он смог, это завалиться набок. Стало еще хуже. Вата облепила лицо со всех сторон. Надо доползти до кого-то! Чтобы на него обратили внимание! Вовчик открыл рот, чтобы набрать воздуха и заорать изо всех сил, и с ужасом почувствовал, как мокрый комок ваты проскочил ему в горло.

ПИТБУЛЬ

Он попытался сделать несколько глубоких вдохов-выдохов, чтобы успокоиться. Не помогло. Ухватившись за кусок арматуры, торчащей из стены, Питбуль стиснул зубы, сделал шаг к самому краю и осторожно глянул вниз. Под стенами высотки, обступив мусорный курган, собрались все, кто в этот вечер случайно или намеренно забрел на территорию заброшки. Компания человек в двадцать внизу скалилась, что-то обсуждала и, задрав головы, тыкала в Питбуля пальцами, а кто-то уже снимал его на мобильный.

Стервятники!

Их мелкие любопытные лица на мгновение напомнили Питбулю плохо прорисованных персонажей любимой игры – ярмарочных зевак, стражников, торговцев и прочую обязательную массовку, мимо которой Питбуль, увлеченный миссией, обычно пролетал, не обращая внимания. Сейчас же, в отличие от игры, именно от этих персонажей, столпившихся внизу, зависит его, Питбуля, репутация. Черт его дернул во-

обще заговорить с Сиплым. А уж спорить!..

Оторвав взгляд от зевак внизу, Питбуль осмотрелся. Влево, куда хватало глаз, уползали серые крыши стареньких пятиэтажек. Вправо, сразу за школьным стадионом, тянулся бесконечной змеей бетонный забор оптовой торговой базы. Прямо перед Питбулем расстилался бесконечный, поросший сорняками, пустырь, обрамленный лесополосой, за верхушки деревьев которой вот-вот сядет солнце. Ловя последние лучи уходящего дня, Питбуль неосознанно тянул время. Потом одернул себя и снова глянул вниз.

Он осмотрел огромную мусорную кучу, висившуюся у подножья высотки, и попытался прикинуть, где у нее середина. Приказал себе оторвать руку от арматуры и сделал пару шагов влево. Вот теперь он – ровно над вершиной мусорного кургана. По размеру он был куда больше, чем телега с сеном, в игре, так что приземлиться туда, сиганув с шестого этажа, было парой пустяков!

– Слышь, не дури. Разобьешься! – сумрачно произнес позади него Леший.

– Поддержка, Лех, прям на пять баллов! – сказал Питбуль, не оборачиваясь.

Надо быстрее прыгать, иначе еще минута, и его стошнит.

– Ссыкло! – глумливо крикнул снизу Сиплый, и его поддержали издевательские смешки.

Самое гадкое было то, что Сиплый прав. Питбуль ссыкло. Все, чего ему сейчас хотелось – кубарем скатиться вниз по

длинной бетонной лестнице и рвануть домой. К маме.

«Ссыкло! Трус! Пиздюк!» – мысленно обозвал себя Питбуль и дал самому себе пощечину, чтобы встряхнуться и поймать кураж. Куража не было. Был ледяной, сжимающий горло, ужас. Сердце трепыхалось где-то в желудке, ноги были ватными.

Ну, чего бояться то? Подумаешь, прыжок в мусорную кучу! Вон, Витька Киреев, в прошлом году, сорвался с третьего этажа на голый асфальт, когда пытался забраться на школьную крышу. Сотряс и двойной перелом стопы. И ничего, через месяц уже был, как новенький, да еще и получил крутое прозвище «Кощей». Потому что бессмертный. А он, Питбуль, если сейчас не прыгнет, навсегда превратится в «Ссыкло». А жить с подобным прозвищем он не собирался!

– Это как на Ютубе! – повернул к другу бледное лицо Питбуль. – Помнишь? Просто надо в центр попасть.

– Да не надо! – запротестовал Леший. – Кому ты что доказать хочешь? Всем насрать!

Он – не все! Он Питбуль! Он свое слово держит!

Питбуль глубоко вздохнул и скомандовал:

– Снимай!

Леший покачал головой, достал смартфон и включил камеру.

КИРА

Кира поймала выгодный ракурс, вышла в прямой эфир и

улыбнулась.

– Ребят, я дико устала! – Мы снимали, наверное, часа три. Но фотки будут – бомба! Всем, кто верно ответил на вопросы викторины в директ, напишу чуть позже. А тем, кто просил показать Семена поближе – та-дам! – вот он!

Не переставая снимать, Кира подобралась к медведю, который что-то с аппетитом жевал, сидя возле газели, и привычно потрепала его по загривку.

– Триста килограмм веса, прикиньте? Заберу Семена домой, будет мне вместо собачки!

Кира расслабленно привалилась к медведю, но миролюбивый Семен внезапно угрожающе зарычал и, поднявшись на задних лапах, показал в камеру огромные клыки. Кира, взвизгнув от неожиданности, уронила смартфон.

– Сдурела? – выскочил из-за газели дрессировщик и рванул медведя к себе за ошейник.

Медведь не слушался – рыча, он встал на дыбы и теперь казался просто исполинского роста. Дрессировщик тщетно пытался обуздать его, повиснув на ошейнике.

– Вали, дура! – прохрипел красный от усилий мужик.

Кира истерически шарила в траве, пытаясь найти телефон. Гадский медведь, пусть только попробует порвать ей платье! Наконец, она нащупала кончиками пальцев скользкий бок смартфона, и в этот момент ошейник на медвежьей шее лопнул, и дрессировщика отшвырнуло в кусты.

ЛИДА

Лида сунула в зубы сигарету и осмотрелась в поисках спичек. Ей давно уже следовало уйти, но она почему-то засиделась на кухне, упиваясь собственным триумфом. Осмотрев разоренный интерьер, Лида удовлетворенно подумала, что этот ее, последний визит, Лев и Вероника не забудут никогда. Осталось выкурить одну сигарету и можно уходить.

Спичек не было. Лида пошарила в ящиках, заглянула в шкафчик с оторванной дверцей, и наконец обнаружила пьезозажигалку, на полу, среди черепков от посуды. Щелкнула ею раз, другой. Черт, неужели не работает? Пытаясь взбодрить пьезозажигалку, Лида сморщила нос. Она вдруг заметила, что кухня противно провоняла разлитым из бутылки уксусом. Или это был бальзамический соус? Что может так противно вонять?

Взгляд Лиды упал на газовый шланг, ведущий к плите. В тот самый момент, когда Лида успела заметить, что шланг перебит на две части взмахом боевого топора, пьезозажигалка в ее руке ожила и выдала искру.

Время замедлилось, и вокруг Лиды начал дрожать и плавиться воздух.

САНЫЧ

Саныч летел по трассе, одной рукой придерживая руль, а другой яростно мастурбируя. Девица на экране делала такие вещи, от которых член Саныча стоял не хуже фонарных

столбов, по краям шоссе. Да, вот так! Еще чуть-чуть, и он достигнет пика!

Возбужденный Саныч втянул воздух сквозь зубы, и вдруг заметил, что его автомобиль съехал на встречку. На секунду замешкавшись, он начал выворачивать руль – спокойно, спокойно, трасса все равно пустая! – и ровно в этот момент из-за поворота на него выскочил грузовик. Ослепленный фарами, Саныч ухватился за руль обеими руками – но его уже начало разворачивать поперек полосы.

ВОВЧИК

Вовчик отчаянно боролся за глоток воздуха внутри сковавшего его кокона – но ненавистная вата намертво перекрыла трахею. Он катался по полу, натываясь на невидимые препятствия и чувствуя, как туманится сознание. Наконец, чьи-то руки дернули и разорвали плюшевую ткань, кто-то содрал с Вовчика дурацкую медвежью голову, и он выпал на мраморный пол, словно Иона, извлеченный из чрева кита. Сквозь мигающие дискотечные огни, распавшаяся на цветные стоп-кадры, на него смотрели перекошенные испугом лица.

– Дыши! – орал Серый, тряся его, словно тряпичную куклу. – Дыши!

ПИТБУЛЬ

Вдох-выдох! Три... Вдох-выдох! Два... Вдох-выдох, один! Даже если он сломает обе ноги, сегодня он станет ле-

гендой района, подумал Питбуль. История любит храбрецов!
– Адьос, мудачье! – сорвавшимся голосом повторил Питбуль свой победный крик, зажмурился и под вопли собравшихся внизу зрителей сделал шаг в пустоту.

КИРА

Медведь, ослабившись, навалился на Киру всей мощью своего тела и сомкнул пасть на ее голове. Боли не было – была странная пустота, сквозь которую до нее долетал надсадный женский крик. Потом Кира поняла, что это ее крик. Звук превратился во влажное бульканье, потом в голове что-то звонко лопнуло, и остался только далекий, гадкий гул, больше похожий на гудок огромного грузовика...

САНЫЧ

Не переставая гудеть, фура на полном ходу наваливалась на Саныча – а он все пытался обуздать свой автомобиль, который вдруг превратился в неуправляемую коробку на колесах. словно на американских горках, его вместе с машиной подкинуло вбок, вверх, потом планета сделала вокруг него несколько стремительных оборотов, и вцепившийся в руль Саныч впечатался в черную бетонную землю на обочине шоссе.

ВОВЧИК

Он еще чувствовал ладонью шероховатость коробочки с

кольцом, за которую все эти мгновения цеплялся, как за спасательный круг. Потом сознание покинуло его, и коробочка, выкатившись из разжавшейся руки, раскрылась, словно устрица, внутри которой вместо жемчуга скрывался бриллиант.

ПИТБУЛЬ

Мир принял Питбуля в жесткие объятия спрятанной в строительном мусоре арматуры, оглушил треском сломанных шейных позвонков и погас.

ЛИДА

Во тьме уснувшего двора родилось новое солнце. Оно полыхнуло протуберанцами из лопнувших окон квартиры на четвертом этаже и выплюнуло в воздух крохотную человеческую фигуру. словно возлюбленная с картины Марка Шагала, Лида летела над городом, красиво подсвеченная фонарями и отблесками полыхающего пожара. В Лиду тыкали пальцами удивленные прохожие, ей подмигивали светофоры. Невидимый ветер поднимал ее все выше и выше, и наконец, в небе не осталось никого – только распахнувшая в детском удивлении глаза Лида и оглушенные грохотом взрыва голуби.

А потом полет внезапно кончился, Лида начала стремительно терять высоту, она стрелой пронеслась сквозь плотную пелену кучевых облаков, пару раз перевернулась в воздухе и приземлилась на...

2. «СОРТИРОВОЧНАЯ»

...стул. Лида только спустя какое-то время поняла, что это стул. До этого она бессмысленно пялилась в стену. Как долго Лида провела, впериw взгляд в бесконечное белое пространство, сама Лида определить бы не смогла. Но потом она пошевелилась, ощупала конструкцию под собой, убедилась, что конструкция имеет четыре ножки и спинку и, почти не удивившись, повернулась.

И встретилась глазами с мальчишкой лет двенадцати, который сидел напротив, на другом стуле, и не сводил с нее настороженных глаз. Лида не сразу поняла, что с этим мальчишкой не так, а потом сообразила – парень каким-то образом умудрился свернуть себе шею, и теперь голова его смотрела на мир под углом в 90 градусов. Смущенная Лида отвернулась и увидела, что кроме нее и странного парня со свернутой шеей, в комнате присутствуют еще трое. Боясь показаться навязчивой, Лида оглядела незнакомцев мельком, как бы невзначай.

Первым – вернее, третьим – в их странной компании оказался мужчина неопределимого возраста, ему можно было дать и сорок пять, и пятьдесят восемь. Одутловатое лицо, жидкие волосы, собранные в засаленный хвостик, футболка с вытертым от долгого соприкосновения живота с письменным столом принтом, поношенные камуфляжные штаны

с множеством карманов. В Лидиной типографии подобную невразумительную внешность имели дизайнеры или охранники. Видимых повреждений у обладателя сального хвостика не было – кроме окровавленного уха и длинной ссадины на правой руке. А еще Лида заметила, что у мужчины расстегнута ширинка – перехватив ее взгляд, мужчина ширинку застегнул и сумрачно уставился на Лиду.

Лида поспешила перевести взгляд на его соседа – молодого парня лет двадцати пяти. Его она тут же записала в красавчики – дорогой костюм с иголки, модная стрижка. Правда, впечатление портили несколько простецкие черты лица и затравленный взгляд, которым парень обозревал окружающих. Глянув на Лиду, парень зачем-то кивнул, потом тяжело и натужно закашлялся и сплюнул на пол кусок мокрой ваты.

Последней в списке новых знакомых Лиды оказалась симпатичная девица в роскошном платье и со смутно знакомым лицом. Девица сидела чуть в стороне, царственно выпрямив спину и задрав подбородок, и видеть ее Лида могла только в профиль – а потом девица повернулась, и Лида обомлела: второй половины лица у незнакомки не было. Была кровавая каша и ошметки кожи, свисающие из-под эффектно уложенных волос.

Люда почувствовала, как к горлу подступила тошнота.

Кире надоело, что какая-то, перемазанная сажей телка с обгоревшими волосами беззастенчиво на нее пялится, и она поинтересовалась:

– Что?

– Ничего! – смутилась обгоревшая. – У вас... что-то с лицом.

Кира поднесла руку к лицу, чтобы проверить, что случилось, но пальцы, вместо того чтобы наткнуться на щеку, провалились в какое-то... мягкое чвакающее желе. Кира отдернула руку – ладонь ее была в крови. И эта кровь окончательно вывела Киру из оцепенения – она вспомнила фотосессию, потом вспомнила, как на нее наваливается огромная медвежья туша...

– У вас есть салфетка? – растерянно спросила Кира у собеседницы.

Лида кивнула – в сумочке у нее всегда были салфетки – а потом поняла, что никакой сумочки рядом с ней нет, а сама она с ног до головы покрыта сажей. А еще она не чувствовала правую руку. Сама рука была на месте, но вот пошевелить ею Лида не смогла. Она ухватила безвольную конечность левой рукой, приподняла ее, отпустила – правая рука шлепнулась и повисла, как у тряпичной куклы.

– Совсем не больно, – удивленно сообщила Лида красавчику. Тот сочувственно кивнул и снова зашелся в душераздирающем кашле.

Питбуль, который все это время находился в странном онемении, пытаясь собрать мысли воедино и вспомнить, как он оказался в огромной белой комнате – ведь еще мгновение назад он был на стройплощадке – расплылся в глумливой

улыбке и ткнул пальцем в девушку с разорванным лицом.

– Ни фиги! Ты же эта, типа, блогерша! Кирасин! Да? Ха-ха! Где так профакапилась? На стриме на бензопилу упала?

Кира глянула в наглое повернутое лицо сопляка, который все еще указывал на нее пальцем, и холодно произнесла:

– Не твоего ума дело.

– Ой, хавальник завали! – ответил Питбуль. Будет еще ему хамить какая-то инстаграмная курица.

В то же мгновение чья-то ладонь больно приложила ему по затылку, раздался противный треск, и голова Питбуля, к его неудовольствию, еще сильнее съехала набок.

– Не хами! – сказал Вовчик. Кашель, наконец, отступил, и он смог толком оглядеться.

– Спасибо! – произнесла девушка, за которую он заступился.

Вовчик кивнул, стараясь не особо задерживать взгляд на ее изуродованном лице. Остальные, сидящие на стульях, выглядели чуть лучше, но Вовчик не сомневался – всех их за секунду до трагического финала спасли и отвезли в больницу врачи. Спустя пару мгновений его догадку подтвердила покрытая сажей девушка, черт лица которой было не разобрать.

– Мы же в травматологии, да? – спросила Лида. – Я просто... плохо все помню. Со мной несчастный случай приключился.

Все выжидающе уставились на Лиду.

– Взрыв бытового газа, – пояснила она.

Собеседники продолжали разглядывать Лиду, словно ожидая подробностей. Та нервно махнула здоровой рукой.

– Это случайность. Ну, то есть, не совсем... Я не закрыла газ... и закурила.

Питбуль расхохотался.

– Во тупая!

Вовчик снова отвесил ему затрещину.

– Я предупреждал! – произнес он строго.

Питбуль хотел вскочить со стула и врезать этому пафосному козлу ногой, но искривленное тело не слушалось, и все, что он смог сделать – это возмущенно подпрыгнуть на стуле и грозно насупиться.

– Сам-то где профакапился? – спросила Кира, злорадно наблюдая за его неуклюжими телодвижениями.

– Тебя ебет? – хмуро огрызнулся Питбуль. – На стройке оступился и упал.

– Дичь какую-нибудь для своего тик-тока снимал, угадала? – не унималась Кира.

Питбуль ничего не ответил и сунул Кире под нос средний палец.

Вовчик хмыкнул, а потом внимательней всмотрелся в Киру – а ведь он тоже видел ее в соцсетях. И в телевизоре – пару лет назад она вела какую-то передачу, про путешествия.

– Точно, ты Кира! – не удержался Вовчик. – Я на Ютубе недавно шоу видел, ты приходила к этому... чувак такой,

стендап-комик известный... Интервью у тебя брал. Мне понравилось! А еще у тебя вайны прикольные.

Кира польщенно улыбнулась.

– Вайны – это прошлый век, – кокетливо повела она плечом. – Меня в кино пригласили сниматься. Блокбастер, про пришельцев. Главная роль!

Лида восхищенно оглядела Киру – теперь и она ее узнала. Ничего себе, значит, звезд привозят в обычные больницы? С простыми смертными?

– Круто! – уважительно произнесла Лида. – А это травма на съемках, да?

Кира снова неосознанно дотронулась пальцами до щеки от отдернула руку. К счастью, боли она не чувствовала. Но это, скорее, пугало – значит, гребаный зверь задел лицевые нервы, и ей теперь как-то всё это исправлять.

– У меня была фотосессия в этническом стиле, – начала рассказывать Кира, чтобы отвлечься от мыслей о собственной травме. – Это сейчас в тренде. На съемках был медведь. Ну, знаете, есть такие животные, дрессированные, которые в кино снимаются. Но этот медведь был абсолютно неадекватный! Набросился на меня прямо во время эфира!

Вовчик, слушавший Киру, покотился со смеху. Медведь, серьезно? Вот это совпадение!

– Это, типа, смешно? – с неприязнью повернулась к нему Кира. – Внешность для меня всё! Я лицом деньги зарабатываю! Мне теперь придется искать... даже не знаю, где, нор-

мального пластического хирурга. Чтобы как-то это поправить!

Вовчик испуганно умолк и умоляюще прижал руки к груди.

– Я не издеваюсь! Прости, пожалуйста! Просто я тоже из-за медведя пострадал! Это какое-то дурацкое совпадение!

Теперь все устали уже на Вовчика, ожидая подробностей. Тот растерянно развел руками.

– Я идиот, признаю. Хотел девушке сюрприз сделать. Купил игрушку, медведя плюшевого, в человеческий рост, вынул оттуда вату, влез внутрь. По плану, я должен был оттуда красиво вылезти и сделать ей предложение.

Лида восхищенно вздохнула.

– Как оригинально! Сделал?

– Не, я задыхаться начал, – хмуро подытожил рассказ Вовчик. – Вата в горло попала.

Питбуль хотел покачать головой, глядя на романтического идиота в костюме, но лишь издевательски хмыкнул.

А Вовчик внезапно обнаружил в своих руках коробочку с кольцом. Хотя он готов был поклясться, что уронил ее там, в апартаментах. Он растерянно повертел коробочку в руках.

– Можно? Глянуть? – жадно вытянула шею Лида. Ей страшно хотелось увидеть, чем решил порадовать свою невесту красавчик.

Вовчик кивнул, раскрыл коробочку. На Лиду глянул крохотный бриллиант, вставленный в серединку сердечка, чу-

дом держащегося на тонком обруче кольца. Миленко! Лев, конечно, в свое время подарил Лиде кольцо пошикарней...

– Лоховское кольцо, – фыркнула Кира. – Супер-эконом вариант. Камень искусственный. Если б мне такое подарили, я бы не согласилась.

Вовчик захлопнул крышку, сунул коробочку в карман. Да она с гнильцой, эта звезда Ютуба.

– На что хватило! Я же не мега-блогер. И сила любви каратами не измеряется.

Он демонстративно отвернулся от заносчивой девицы – может, и правильно ее медведь подрал. Явно было, за что! Лида сочувственно кивнула ему, махнула рукой – мол, не обращай внимания.

Кира закатила глаза – всякие нищерброды ее еще жизни не учили!

В белой комнате повисла неловкая пауза.

Лида ненавидела неловкие паузы. Поэтому, поерзав на стуле, она громко поинтересовалась, нарочито бодрым тоном:

– Интересно, когда врачи придут?

Она снова попробовала пошевелить онемевшей правой рукой – безрезультатно.

– До сих пор ничего не чувствую, – немного виновато улыбнулась Лида. – Наверное, от шока.

– Или нам что-то вкололи, обезболивающее, – пожал плечами Вовчик.

– Мы умерли, – флегматично произнес Саныч.

Все уставились на него – испуганно и удивленно.

Саныч обвел ироничным взглядом жизнерадостных идиотов, битых полчаса обсуждавших скучные подробности своих скучных жизней. Они правда, ничего не поняли?

Перемазанная сажей девица округлила рот испуганной «О».

– Это же очевидно! – хмыкнул Саныч. – У этой, – он кивнул на Киру, – мозги через дыру в башке видно. У пацана шея сломана. Мы мертвые. А это – тот свет!

Все растерянно переглянулись. Саныч скрестил руки на груди и с сожалением отметил, что большинство людей даже за могильной чертой остаются круглыми дураками. Таковыми же круглыми, как раззявленный рот закопченной девицы, которая продолжала испуганно на него тарашиться.

– Фигня! – отмахнулся Вовчик. – Я в эту чушь вообще не верю. Загробная жизнь? Ха-ха! Мы в травматологии.

Саныч пожал плечами и закинул ногу на ногу. Как знаешь, чувак.

Лида, наконец, закрыла рот и обвела всех изумленным взглядом. Что он несет, этот тип в вытертой футболке?

Кира вскочила с места и принялась метаться по комнате, которая внезапно показалась ей тошнотворно бесконечной. Дверь, должна же здесь где-то быть дверь!

И дверь нашлась – сразу за спиной Киры. Узкая белая дверь из обшарпанного, много раз крашеного белой краской

дерева. Как она ее раньше не заметила?

Кира дернула хлипкую ручку – заперто. Она принялась отчаянно барабанить по деревянной поверхности.

– Эй! – проорала Кира. – Откройте! Вы не имеет права нас тут держать! Откройте!

Лида, которая совершенно точно была уверена, что мину-ту назад никакой двери в белой комнате не было, подоспела Кире на помощь. Теперь они уже вдвоем рвали на себя скользкую ручку. Дверь дрожала, но не поддавалась. Разъяренная Кира долбанула по двери ногой.

– Я не могу! – повернула она к Лиде изуродованное, перекошенное ужасом лицо. – Мне нельзя! У меня съемки! Где мой телефон? Мне надо позвонить! Я вызову такси и уеду отсюда!

Внезапно Кира вцепилась в Лиду мертвой хваткой и спросила срывающимся шепотом:

– У меня правда мозги видно?

Она повернулась к Лиде той стороной, на которую Лида отчаянно пыталась не смотреть. Но правила хорошего тона сильнее брезгливости – и Лида, перебарывая тошноту, пару мгновений рассматривала ужасное месиво, состоящее из кожи, мышц и хаотично торчащих костей. Кажется, Киру порвал не медведь, а тираннозавр. Где-то в глубине этого месива виднелась вплавленная в жеванное мясо сережка.

Лида ни черта не смыслила в медицине, но даже она понимала, что с подобными травмами не живут. По крайней

мере, долго не живут. Лида растерянно поморгала, пытаясь сформулировать какую-то ободряющую фразу. Не формулировалось.

Кира глянула ее в перепуганные глаза и мгновенно поняла, насколько всё плохо. Всё ка-та-стро-фи-чески плохо. Возможно, ей вообще не поможет ни один хирург. И тогда... Тогда даже хорошо, что они все умерли. Пусть этот мерзкий мужик с засаленным хвостиком будет прав! Сейчас этот предсмертный глюк закончится, и ее поглотит тьма. Потому что лучше умереть, чем жить с таким лицом!

Кира внезапно отпустила себя – и зарыдала, уткнувшись изуродованной головой в плечо перепачканной сажей себе-седнице. Тьма никак не поглощала ее, и не поглощала...

И Лиде пришлось, по-отечески обняв Киру здоровой рукой, осторожно довести ее обратно до стула, усадить на него и попытаться успокоить, прижав несчастную Интернет-диву к своей груди.

– Как вам не стыдно? – спросила Лида, обернувшись к типу с хвостиком. – Нельзя такие вещи так запросто, не подумав, брякать! Это моральное насилие!

Моральное насилие – это даже после смерти оказаться в компании утомительных придурков, которые только и делают, что несут полную чушь, подумал Саньч. Честно говоря, он всегда надеялся, что, когда всё закончится, никакой загробной жизни не будет. И все, наконец, от него отстанут. Но нет, похоже, что и на том, и на этом свете ему

придется вечно кататься на карусели с идиотами. Возможно, буддисты неверно сформулировали концепцию колеса сансары, и после смерти нет никакого состояния бардо, нет даже краткой передышки, ты просто пересаживаешься на другую карусель, чтобы продолжать бесконечно наматывать круги. Просто карусели «там» и «здесь» разные. А идиоты везде одинаковые.

Саньч глянул на закопченную девицу, которая смерила его презрительным взглядом, и прикрыл глаза. Лида, отвернувшись от него, склонилась к Кире.

– Меня Лида зовут, – сообщила она шепотом. – Ты не переживай, у тебя там... не всё так страшно. Сейчас... медицина... сильно шагнула вперед.

Кира невнятно хрюкнула ей что-то в блузку и продолжила заливаться слезами.

Вовчик вскочил и забегал туда-сюда, наматывая замысловатые петли между стульями. Ситуация нравилась ему все меньше и меньше.

– Допустим, – остановился он посреди комнаты. – Допустим, этот... – решив, что неприлично говорить о присутствующем человеке в третьем лице, Вовчик повернулся к Саньчу. – Как вас зовут?

– Саньч, – нехотя, после паузы, отозвался тот.

– Вовчик! – протянул Вовчик руку для рукопожатия, но Саньч демонстративно не шелохнулся, и Вовчику пришлось сунуть руку в карман. – Допустим, Саньч прав, и мы умер-

ли, – продолжил он. – Но... так же не должно быть! В смысле, это несправедливо! Мне же только двадцать пять, у меня только личная жизнь начала налаживаться! Я за невестой, знаете, сколько бег... ухаживал? У меня свадьба скоро!

– А будут похороны, – невозмутимо скаламбурил Саныч. Вовчик в замешательстве смотрел на него.

– Это даже к лучшему! – успокоил его Саныч. – Нет свадьбы – нет скандалов. Измен. Никто не выносит тебе мозг. Никто не отсудит у тебя квартиру при разводе.

Вовчик, придавленный аргументами, опустился на стул. Лида закатила глаза – она уже успела всеми фибрами души возненавидеть местного циника. И отчество у него какое-то противное! Саныч! Лида мысленно прибавила в начале отчества вторую «с» и тихонько хихикнула.

Питбуль, со страхом осознавший, что в словах Саныча есть резон, наконец, осмелился ощупать собственную шею. Влез пальцами под складки завернувшегося капюшона и вместо ровной цепочки позвонков наткнулся на торчащий из кожи кусок кости. Твою на хрен мать!

– Мама меня убьет! – простонал он.

Лида глянула на его испуганную скрюченную фигуру, и в который раз за день ощутила подступившую тошноту.

Она вдруг поняла, что в белой комнате нет потолка. И стен... стен, кажется, тоже не было. Это иллюзия. Мозг, привыкший к определенности, к углам и поверхностям, просто убеждал ее, что здесь есть стены. На самом деле вокруг во-

обще ничего не было – кроме белого, бесконечного марева.

Что, если так и выглядит свет в конце тоннеля?

– Вы правда, думаете, мы все умерли? – прошептала она.

Голос перестал слушаться.

Ответом Лиде было испуганное молчание. Даже Кира перестала горестно вздыхать и затихла.

Лида встала со стула. Сделала несколько неуверенных шагов в сторону... в какую-то сторону, чтобы дойти до стены и убедиться, что она просто немножечко сошла с ума. После шока, или после лекарств, которые ей дали в этой странной больнице... Но, сколько бы она ни вытягивала руку, дотронуться до стены она так и не смогла. Лида испуганно глянула вниз – пола, в таком случае, тоже нет? Она осторожно топнула ногой – на чем-то же она все-таки стояла? Потом, испугавшись, что, если слишком настойчиво топтать, можно провалится неизвестно куда, Лида трусливо рванула обратно и села на свой стул. По крайней мере, стулья здесь казались настоящими.

Видимо, это действительно финал. Вокруг нее раскинулось Великое Ничто, в объятия которого она попала прямоком из окон квартиры Льва. Белое безмолвие. И теперь ее компания навсегда – еще четверо неудачников, которым тоже сегодня не повезло.

Лида обвела всех горестным взглядом

– Вот и всё! – вырвался у нее патетический возглас. – Вот всё и закончилось!

Она закусила губу, чтобы не расплакаться. Пролетевшая жизнь всплывала в памяти цветными лоскутами. Набор разрозненных пазлов – вот она маленькая, в гостях у бабушки, гладит рыжую, облезлую от старости кошку. Вот старательно тянет руку в классе, чтобы первой ответить на вопрос – она ведь так готовилась к уроку! Вот получает аттестат. Вот получает диплом. Вот получает первую заплату. Вот получает предложение руки и сердца от Льва. Вот получает свидетельство о разводе... И всё? И дальше финальные титры? Получите свидетельство о смерти, распишитесь?

– Господи, я же ничего не успела! – выдохнула Лида.

– Что ты там такого хотела успеть? – поинтересовался Саныч. – Выплатить ипотеку?

Лида задохнулась от возмущения.

– Знаете, что? – подскочила она к Санычу и ткнула в него пальцем. – Знаете, что? Не знаю, как там ваше имя. И мне не интересно, правда! И как вы умерли – тоже. Потому что вы давно мертвы. Внутренне. Вы мертвец, понятно?

Глядя, как закопченная истеричка размахивает у его носа пальцем, словно указкой, Саныч саркастически хмыкнул и отвернулся к стене. Вернее, к Белому Безмолвию. В том, что в этой комнате нет стен, он убедился быстрее остальных.

Лида отошла от него и принялась вытирать ладонью непрерывно льющие по щекам слезы. Почему она не попала в Великое Ничто вместе с сумочкой? По крайней мере, в сумочке были салфетки. И сигареты. Ей сейчас смертельно

хотелось закурить!

«Смертельно»! Ха-ха! Неплохой каламбур. Интересно, можно ли чего-то смертельно хотеть после смерти?

– С другой стороны, – произнесла она, наматывая круги вокруг стульев, – это даже хорошо. Что мы здесь. Значит, загробная жизнь есть. И смерть – это не конец! Меня это всё время угнетало – вот ты живешь, а потом раз! – и тебя нет. И всё? А какой тогда во всем этом смысл? Ну, вот ты жил, любил кого-то... чего-то добивался... а зачем? Если всё потом обнулилось?

Лида остановилась, постояла и двинулась в обратную сторону.

– Маме моей было проще, – продолжила она. – Мама женщина верующая, никогда не сомневалась... Меня даже покрестила. А толку? Я крестик ношу, а всё равно не верю. Да кто в наши дни верит-то? Бог, ангелы... Средневековые какое-то, да?

Лида хихикнула, а потом лицо её приобрело торжествующее выражение.

– Но теперь всё стало на свои места! – возвысила она голос, словно выступала со сцены. – Жизнь закончилась, но она продол...

– Заткнись! – заорала Кира. – Закрой рот, дура! Без тебя тошно!

Лида подавилась окончанием слова и умолкла.

Кира снова зарыдала в голос – закрыв искалеченное ли-

цо руками. Вовчик смотрел, как вздрагивают ее плечи, и с недоумением думал о том, что все девчонки одинаковы. Из любой ерунды сделают трагедию. И Машка у него такая же – чуть что, сразу в слезы!

Вовчик с теплотой подумал о Маше, и улыбнулся. Бедная девочка, она сейчас наверняка дико напугана и с нетерпением ждет новостей о его здоровье. Надо побыстрее выбираться из этой больницы – по ощущениям, у него ничего не болит, руки-ноги целы, значит, после быстрого осмотра терапевта его отпустят на все четыре стороны. А потом, вернувшись домой, он, пожалуй, подаст в суд на производителя мягких игрушек, у которого он заказал медведя. И отсудит крупную сумму. Ему сейчас не мешает крупная сумма. Интересно, удушение токсичной ватой – это страхового случая?

Вовчик покосился на мальчишку, который тихонько хныкал, скрючившись на стуле, подошел к нему поближе.

– Эй, пацан, слышь! Как тебя зовут, кстати?

– Питбуль, – пробулькал тот сквозь трагические всхлипы.

– А нормальное имя есть? – уточнил Вовчик.

Питбуль пошмыгал носом.

– Паша.

Вовчик ободряюще похлопал парня по спине.

– Пашка, ты это, давай, не расклеивайся! Ты чего, этим паникершам поверил? Это ж бабы, они вечно истерят по поводу и без, – произнес он вполголоса.

Питбуль перестал шмыгать.

– Правда думаешь, мы не умерли? – спросил он с надеждой.

– Нет, конечно! – отмахнулся Вовчик. – Пфф! Сердце у тебя бьется? Бьется. Руки теплые. Это больница. Ну, максимум, ты сейчас в коме, и я твоя галлюцинация! Гы-гы.

Лицо Питбуля тронула улыбка.

А потом где-то сзади, у всех за спиной, хлопнула дверь.

– Нет, всё правильно, вы действительно умерли! – звонко произнес незнакомый голос.

Пятерка, сидящая на стульях, синхронно обернулась – и вперила взгляды в светлую фигуру, стоящую в дверном проеме. Фигура была облачена в белый рабочий комбинезон и белые дешевые кеды. Прикрыв дверь, фигура откашлялась и направилась в их сторону.

Симпатичный худощавый брюнет лет двадцати семи, со стопкой пластиковых папок подмышкой, подошел и сел на невеселье откуда взявшийся шестой стул. Все остальные сидели полукругом, лицом к нему – так что со стороны казалось, будто небольшая компания пациентов собралась на групповую психотерапию.

– Добро пожаловать в «Сортировочную»! – радушно сообщил парень.

Вовчик, Саныч, Лида, Кира и Питбуль молча вглядывались в его улыбающееся лицо. Тронутая загаром кожа – словно парень только что вернулся с курорта. Несколько весну-

шек на скулах. Серые глаза. В мочке левого уха виднелась дырочка для серьги. Самой серьги не было. Потерялась на курорте, когда парень нырял с пирса.

– А вы... кто? – наконец подал голос Вовчик.

– Я ваш куратор, – сообщил парень. – Кстати, – спохватился он и принялся раздавать присутствующим разноцветные папки. – Тут ваши досье. Биография, основные жизненные моменты. Для себя, кое-что вспомнить.

Все растерянно начали разбирать свои досье, зашуршали бумагой. Саныч открыл папку бледно-фиолетового цвета, прочитал на титульной странице: «Константин Александрович Литвинцев, 1975-2021 гг.», подцепил пальцем тонкую стопку листов, испещренных мелким шрифтом. Захлопнул папку и криво усмехнулся:

– В общем, никакой сансары, а всё-таки Страшный суд.

– Не такой уж он и страшный! – подмигнул ему куратор.

Сразу за дверью, которую с легкостью распахнул брюнет в белом, тянулось еще одно бесконечно пространство – но оттенок несуществующих стен и потолка был уже не белым, а серым. Дымчатым. Туманным. Такого цвета бывает низкое осеннее небо в конце сентября. Ангел – а в том, что за ними пришел Ангел, Лида не сомневалась – кивком пригласил всех следовать за ним и вышел в эту серую бесконечную даль.

Лида увязалась за ним первой – трагическая плаксивость

сменилась внезапным любопытством, и теперь Лида, вертя головой, пыталась понять, как тут все устроено. Остальные шли следом, невольно выстроившись в колонну, как дети, идущие за воспитателем. Замыкал колонну хмурый Вовчик – который все еще был уверен, что они в больнице, явившийся за ними куратор – местный врач, а рассказы про какую-то «Сортировочную» – просто дурацкий медицинский юмор, для пациентов, под завязку накачанных обезболивающим.

Ровная поверхность закончилась и началась крутая марморная лестница. Ангел легко шагал вверх, Лида поспевала за ним, слушая, как позади нее недовольно сопит пацан со свернутой шеей, и вдруг увидела, что на лестнице – у которой не было перил – с одной стороны плотным строем стоят люди. По одному человеку на ступеньке. Как на эскалаторе метро, в час пик. И у каждого в руках или подмышкой были такие же дешевые пластиковые папки, как те, что им вручил Ангел. Старики, старухи, совсем маленькие дети, женщины, мужчины, подростки...

Люди стояли молча, по большей части понуро глядя в спину впередистоящего. Кто-то изучал содержимое папки. Кто-то дремал, прикрыв глаза. Корпулентная дама в красном брючном костюме глухо рыдала, прикрывшись папкой. Стоящий перед ней вихрастый очкарик лет семи сосредоточенно собирал Кубик Рубика. Лида неосознанно притормозила возле очкарика, тот вопросительно глянул на нее снизу вверх

и снова принялся вертеть кубик.

Лида оглянулась и увидела, что в сером бесконечном пространстве – сверху, снизу, сбоку – висели бесконечные мраморные лестницы, и все они были забиты людьми с пластиковыми папками. Или это была одна невероятно длинная лестница, словно змея, многократно перекрученная в пространстве и ухватившая себя за хвост? У Лиды внезапно закружилась голова, она схватилась за какого-то старика в дешевом синем костюме, почувствовала идущий от него удушливый запах формалина, которым явно пытались заглушить запах мертвого тела, отшатнулась и грохнулась прямо на ступеньки. Питбуль налетел на нее, едва не упал и досадливо пробормотал неразборчивое ругательство.

Этой заминкой воспользовалась Кира, которая протиснулась мимо Питбуля и Лиды и догнала куратора.

– Простите! – произнесла она, тронув его за плечо.

Куратор не остановился, но стал подниматься чуть медленнее.

– А они все... тоже? – расплывчато спросила Кира, стараясь не смотреть на людей, стоящих на лестнице.

Куратор глянул на нее из-за плеча.

– Умерли? Да, сегодняшняя смена.

– А почему мы не с ними? Не в общей очереди? – продолжила допытываться Кира. – У нас что, какие-то привилегии? Или наоборот?..

Куратор притормозил, снова посмотрел на Киру, задумал-

ся...

– И то, и другое, – пояснил он и продолжил свой путь наверх.

Кира удивленно смотрела в его спортивную спину. Миленький у них куратор! На простой вопрос внятно ответить не может. Она бы за такое уволила, на раз-два.

– Чего стоим? – наткнулся на нее идущий сзади Саныч.

Кира, не удостоив его взглядом, подобрала полы платья и продолжила подниматься по лестнице. Медленно. Нарочито медленно. Чтобы слегка побесить всех, кто идет следом.

Вовчик, бредущий по лестнице последним и не обративший внимания на некоторую заминку, вглядывался в лица стоящих на ступенях людей. В этой странной больнице слишком много пациентов...

– Куда без очереди? – догнал его гневный возглас.

Вовчик обернулся – из плотной шеренги тел, на пару ступеней ниже, высунулась грузная носатая старуха, в длинном, до пят, засаленном махровом халате. Вовчик оторопело смотрел на ее голову – тщательно взбитую седую копну волос украшал топор! Точнее, топор плотно сидел в затылке старухи.

– Чего уставился, сопляк? – поинтересовалась склочная морщинистая маска. – Куда прешь, говорю?

Вовчик открыл рот, закрыл.

– Мы тут вона, сколько торчим! – продолжала скандалить старуха, пытаясь взбодрить сонную общественность. – А эти

вперед пролезли! Чтоб тебя черти вперед всех на вилы подели!

Вовчик вздрогнул, привычно втянул голову в плечи – как он всегда делал при встрече с излишне громкими и мерзкими пенсионерами – и через две ступеньки рванул вверх, догонять остальных.

Когда все пятеро основательно запыхалась на проклятой лестнице, куратор свернул в незаметный проем, и все очутились в небольшом зале, больше похожем на вестибюль официального учреждения. Три огромных окна в пол, за которыми клубилось серое ничто. Светлый ковролин – или что-то, похожее на ковролин – под ногами. Но главное – в конце зала виднелась еще одна дверь, поистине исполинских размеров. Тоже деревянная, тоже крашенная белой краской, но ее высокие створки уходили вверх на неопределимую высоту. Не было конца у этой двери. Или это снова была оптическая иллюзия.

Подведя своих подопечных к двери, куратор повернулся и произнес торжественно:

– Ждите здесь!

И мгновенное исчез за дверью, бесшумно ее прикрыв.

Все озадаченно переглянулись. Питбуль, которому стояние под неизвестной дверью напомнило тягостное ожидание очередной выволочки у кабинета директора школы, развернулся и отошел к окну. Свою папку, внутри которой находился всего один лист, он нагло свернул вчетверо и сунул в

задний карман джинсов.

Лида, которая после нелепого падения на лестнице слегка прихрамывала, повертелась на месте, высматривая, не появится ли, откуда ни возьмись, очередной стул, и разочарованно вздохнула. Ладно, постоим.

Кира, которая в отличие от всех остальных, принялась тщательно штудировать собственное досье, уже на второй странице наткнулась на плохо пропечатанное фото белого ангорского кота и возмущенно фыркнула:

– Бля, да не виновата я!

Она так и знала, что когда-нибудь ей все-таки прилетит, за это дурацкое животное!

Кира заметила, что стоящий рядом Вовчик пялится в ее досье, и захлопнула папку.

– Что? – спросила она. – Откуда я в пять лет могла знать, что нельзя закрывать кота в сундуке? Это вообще не моя вина, что глупый Марсик задохнулся.

Вовчик отвел глаза. Зато Саныч продолжал буравить ее насмешливым взглядом.

– А вы все что? Белые и пушистые? – зло поинтересовалась Кира.

Она демонстративно отошла подальше от остальных – к другому окну. Все происходящее напоминало дурной сон. Или дешевый артхаусный фильм про «тот свет». Минимум декораций, никаких спецэффектов. На нормальный саундтрек и то, не раскошелились – вокруг царила гулкая, ват-

ная тишина. Могли бы включить джаз, как в торговом центре. Или классику – классика лучше настраивает на похоронный лад. И что это за название уродское – «Сортировочная»? Их здесь что, собрались сортировать, как... фрукты? Первый сорт, второй... Кира устала анализировать и решил плыть по течению. Будь, что будет. Так что она просто сунула папку подмышку и прикрыла глаза.

Передышка оказалась недолгой – почти сразу дверь снова стукнула, и выглянувший из-за нее куратор – который теперь выглядел особенно взволнованным – скомандовал:

– Можно!

Потом парень в белом глянул на Питбуля, стремительно подошел к нему, как-то по-особому ухватил его шею руками, хрясь! – и выправил голову пацана на место.

– Так лучше! – сообщил куратор и гостеприимно распахнул перед всеми дверь.

Лида ожидала увидеть что угодно – лавандовые поля, подсвеченные закатным солнцем, заросли абрикосовых деревьев, увешанных яркими плодами, горные вершины, на которых дремлют пушистые плотные облака... а вместо этого увидела низкий сводчатый потолок, две тусклых лампы, сиротливо болтавшихся на голом шнуре, и уходящие вдаль, отделанные пожелтевшей облупленной плиткой стены. Остальные так же растерянно и непонимающе озирались – словно гости, приехавшие на шикарную вечеринку, но вме-

сто дорогого ресторана попавшие в темный сырой подвал.

Света, правда, почти сразу прибавилось – у самого пола вспыхнули плоские светильники, убежавшие двумя ровными рядами вдаль, и стало ясно, что у сводчатого помещения нет конца. В кино так выглядят заброшенные станции метро, после Апокалипсиса.

Собственно, именно в тот момент Вовчик окончательно осознал, что умер. Словно перед внутренним зрением у него зажглось табло: «Конечная остановка». Поезд дальше не идет. Паники не было – было удивление и досада. Как-то всё глупо и неожиданно вышло! Вовчик скользнул взглядом по лицам своих спутников – все были подавлены и молчаливы, и стало ясно, что до каждого тоже только сейчас окончательно дошла безжалостная и тоскливая истина: это финал.

Внезапно посреди подвала кто-то закашлялся, сухое эхо треснуло и прокатилось вдоль стен. А потом посередине помещения – ровно под двумя голыми лампами – обнаружился длинный стол, за которым, словно приемная комиссия, сидело четыре человека в одинаковых, кирпичного цвета, рабочих комбинезонах. Правда, черты лиц материализовавшейся из ниоткуда четверки разглядеть было сложно – каждый выглядел так, словно натянул на голову резиновую маску из магазина приколов. Провалы глаз, немного кривые рты.

Не лица, а ночной кошмар, подумал Саныч.

– Существа, прибывшие сегодня, нарушили естественный ход вещей и прервали жизненный цикл раньше установлен-

ного срока! – сообщил резкий, треснутый голос. Кому именно из четверки он принадлежал, было непонятно.

– Чего? – переспросил Питбуль.

– Технически, вы все – самоубийцы! – пояснил куратор, о существовании которого все успели забыть. – Это понятно?

Лида горестно кивнула.

– Лично я умирать не планировала, – вскипятилась Кира. – И что теперь? Нас за это в ад, что ли? Мы же никого не убили! – она глянула на Саныча и иронично уточнила. – Говорю за себя.

Куратор погрозил Кире пальцем – тихо!

– Однако решение посмертной судьбы новоприбывших существ осложнено, – загудел, словно неисправный водопровод, другой голос. – Жизненный цикл был прерван непреднамеренно!

Саныч, Питбуль, Лида, Кира и Вовчик синхронно повернулись к куратору – чтобы тот пояснил, о чем толкует резиновая маска.

– Фактически, вы – жертвы несчастного случая, – терпеливо растолковал куратор. – Кира права. Никто из вас умирать не хотел, и попал сюда исключительно из-за собственной глупости.

Все пристыженно переглянулись.

– И что, нас возьмут в рай? – с надеждой поинтересовалась Лида.

Существа в комбинезонах переглянулись и выдали пару

издевательских смешков.

– Разумеется, нет! – строго сказал куратор. – Вы же самоубийцы!

Кира, фыркнув, закатила глаза. По лицу Лиды снова начали ручьем течь слезы. Вовчик мрачно глянул на нее. И что теперь? Что дальше? И зачем им раздали эти идиотские папки? Они же уже всё заранее решили, эти... резиновые рожи.

Внезапно под кафельными сводами прокатился веселый, почти истерический смех. Питбуль, который снова приобрел былую свободу движений, сложился пополам и радостно хрюкал, вздрагивая всем телом.

– Бляяая! – наконец, выдал он, распрямившись и вытерев слезы. – Я понял! Ха-ха! Это подстава!

Он подскочил к куратору и несильно толкнул его в плечо.

– Слышь, муфлон, у вас где камеры стоят?

Потом развернулся к остальным и покровительственно сообщил:

– Выдыхайте, истерички! Это шоу! Наебалово! А это декорации! – пнул он прикрепленный у пола светильник, который мигнул и погас. – Они нас просто чем-то накачали, в больнице, привезли сюда и стебуются!

Питбуль снова толкнул невозмутимого куратора в плечо.

– Вы пранки для Ютуба снимаете, да? Ха-ха! Ни хера не смешно!

Он бросил на пол свою папку, демонстративно плюнул на нее, подскочил к столу, за которым бесстрастно восседали

маски в комбинезонах, эффектным жестом сунул каждому из них под нос средний палец, и сообщил:

– Адъос, мудачье! Я сваливаю!

Сунув напоследок средний палец под нос и куратору, Питбуль быстрым шагом направился к едва заметной двери, позади стола с комиссией, которую, видимо, только один Питбуль и заприметил, пока остальные слушали весь этот бред про «непреднамеренно прерванный жизненный цикл». Питбуль дернул дверь на себя – заперто. Тогда он изо всех сил пнул дверь ногой – и дверь распахнулась! Но издевательских лиц съемочной группы, которые угорают над дурочками, за дверью не обнаружилось, а Питбуль, который уже успел сделать шаг в дверной проем, очутился над жаркой, дышащей пламенем бездной.

Вопль Питбуля – который успел чудом ухватиться за ручку двери и теперь висел над пропастью, в ужасе дергая ногами – слился с оглушительным воплем тысяч человеческих глоток, доносящимся снизу. Бездна забурлила, гигантские языки огня вспучились, словно клубок змей, устремились вверх, чтобы лизнуть, обнять, испепелить Питбуля. А вслед за ними из адского провала вынырнула и ослабилась огромная, с дом величиной, собачья голова. Огненный пес распахнул пасть, чтобы проглотить визжащего мальчишку – но чья-то рука успела дернуть его за капюшон и втянуть обратно в комнату.

Пес клацнул зубами в дверном проеме, дыхнул жаром – и

дверь захлопнулась. Куратор щелкнул замком и повернулся к скрючившемуся на полу перепуганному Питбулю. Тот, кажется, забыл, как дышать. Остальные – которые тоже видели пса и слышали ужасный многоголосый вопль – превратились в соляные столпы. Только фигуры за столом сохраняли невозмутимый вид.

– Прошу прощения! – сконфуженно произнес куратор, глянув на них. – Мальчик переволновался, сами понимаете.

Питбуль, оглушенный и потрясенный, на четвереньках отполз в сторону и так и остался сидеть на полу, испуганно глядя то на куратора, то на четверку существ за столом.

Те склонили друг к другу резиновые головы и принялись о чем-то неслышно совещаться. Потом скрипучий голос нарушил тягостную паузу:

– Мы пришли к единому решению.

Кира закрыла глаза. Остальные, кажется, тоже. Даже куратор не выдержал и принялся нервно грызть ноготь.

– Вы хотите вернуть собственную жизнь? – поинтересовалась резиновая голова.

Вовчик не поверил своим ушам. Что? Вернуть жизнь? Открыв глаза, он не удержался:

– Конечно! Меня невеста ждет!

– А у меня съемки! – воскликнула Кира.

– Что конкретно мы ради этого должны сделать? – поинтересовался скептический Саныч. В отличие от остальных возторженных идиотов, он-то знал, что просто так ничего не бы-

вает. Особенно – в подобных местах...

– Вас ждет миссия! – прогудел голос-водопровод. – Жизнь за жизнь.

Улыбки на лицах Лиды, Вовчика и Киры подувяли.

– Чего? – повернулась Лида к куратору.

– Чтобы вернуть свою жизнь и исправить неразбериху, которую вы устроили, вы должны спасти пятерых человек от такой же глупой смерти, как ваша, – оттарабанил парень в белом комбинезоне, словно он уже давно знал вердикт, который вынесет странная комиссия, и только ждал от них отмашки. – Справитесь – вернетесь в день вашей гибели. Но не умрете, а продолжите жить, словно ничего не случилось.

Пальни он сейчас из пушки – и то не добился бы такого же эффекта, как предложение кого-то там спасти, чтобы самому выжить. Даже Питбуль, поднявшись с пола, преисполнился энтузиазма. А Лида опять начала рыдать белугой и хватать куратора за руки.

– Спасибо! – повторяла она, – спасибо! Мы согласны! Да, же? – спросила Лида остальных.

Все – даже Саныч – горячо закивали.

Одно из существ за столом назидательно воздело указательный палец.

– Спасти можно только тех, на кого вам укажет куратор! Поодиночке вернуться нельзя. Жизни можно вернуть, только если миссия будет полностью завершена.

Вот тут Саныч и напрягся. То есть они все будут зависеть

друг от друга? Вернее, он будет зависеть от кучки этой бессмысленной малышни? И если кто-то напортачит, эти рожи в комбинезонах откажутся вернуть ему его жизнь!

– Подождите, а можно, каждый будет сам отвечать за свою миссию? – поинтересовался он. – Спасем по одному человеку, и свободны.

– Нет! – сухо ответила комиссия.

– А если у кого-то не получится? – не унимался Саныч. – И мы все застрянем в какой-нибудь жо... в смысле, между мирами. Что тогда?

Куратор гневно зыркнул на него и приложил палец к губам. Но Саныч успокаиваться не собирался, и только он хотел привести пару весомых аргументов в пользу индивидуальной работы, как дверь, за которой начинался провал в преисподнюю, хлопнула, и в тоннеле с низкими сводами обнаружился долговязый хмурый тип в рабочем комбинезоне черного цвета и дешевых черных кедах.

«Кто у них тут стилист?», задалась вопросом Кира. Не могли подобрать своим работникам униформу посолиднее?

– Мое почтение! – сухо кивнул тип существам, сидящим за столом. – Опоздал. График адский! А вот и наша экспериментальная группа! Приятно познакомиться.

Тип в черном, иронично вздернув бровь, направился в сторону притихших Киры, Вовчика, Питбуля, Саныча и Лиды, по очереди придирчиво осмотрел каждого с головы до ног. Лида, до которой тип в черном дошел последним, от-

метила его холодные цепкие карие глаза, светлые, коротко стриженные волосы, саркастичные складки у рта. Возраст человека в черном она определить бы не смогла – вернее, в отличие от куратора, который выглядел как обычный молодой парень, этот тип показался ей существом, чей возраст теряется в толще эпох. Лида почувствовала, как по коже побежали мурашки.

Уловив неприязнь Лиды, тип в черном скривил в ухмылке узкие губы и повернулся к существам за столом:

– У Департамента Наказания есть одно условие.

И сердце Лиды ухнуло вниз – сейчас они всё отменяют, и она не сможет вернуться! Вот же скотина! Лида бросила быстрый взгляд на куратора – тот смотрел на непрошеного гостя с таким же неудовольствием, как и она.

– Если группа не справится, и не сможет уберечь от дурацкой гибели хотя бы одного идиота... – тип в черном выдержал весомую паузу – все попадут в наш Департамент.

На мгновение стали слышны крики и стоны тех, кто оказался в огненной ловушке, по ту сторону двери. Питбуль в ужасе зажмурился.

– Я лично прослежу, чтобы нашим отважным героям никто не помогал, – тип в черном снова выдал кривое подобие улыбки и похлопал куратора по плечу.

Тот, поджав губы, кивнул.

– Мы согласны! – громыхнуло одно из резиновых существ.

– Погодите! – оторопело произнес Вовчик, который окончательно запутался в правилах этого хитроумного квеста. – Как мы будем кого-то там спасать, если мы умерли?

– Вас временно вернут на землю, – пояснило существо.

Вовчик дико посмотрел на фигуру в комбинезоне, затем кивнул на обглоданную медведем Киру.

– В таком виде??

– Все вопросы к куратору, – гаркнула фигура.

Вовчик силился понять, о чем толкуют сидящие за столом болванчики, но за столом уже никого не было. Да и самого стола не было! Ряды светильников стремительно гасли, сумрак накрывал пятерку героев огромной пятерней. Куратор и тип в черном тоже пропали. И только две лампы на шнурах разгорались все ярче, превращаясь в ослепительные звезды.

– Погодите! – крикнула Кира. – Алё!

Эхо ее крика заметалось под потолком и превратилось в оглушительный паровозный гудок.

Из тьмы тоннеля на них наваливалась электричка, мигая звездами-фарами. Испуганные человеческие фигурки заметались, ослепленные внезапным прибытием поезда. Вовчик споткнулся и полетел куда-то вниз, сквозь кафельные полы, мраморные, исчезающие в воздухе ступени, сквозь строительные леса диковинных зданий и бесконечные шахты лифтов, и, наконец, больно приложился коленом об обшарпанную боковину старенькой каменной клумбы, в которой жались друг к другу чахлые петунии.

Ойкнув, Вовчик умудрился удержаться от падения. По-морщившись, он потер ушибленное колено, выпрямился и... с удивлением обнаружил себя на площади у Ленинградского вокзала, ровнехонько напротив входа с указанием: «К поездам дальнего следования».

Сновали туда-сюда суетливые люди с чемоданами и рюкзаками. От киоска с выпечкой тянуло жирным, аппетитным запахом беляшей с мясом. Облезлый голубь безрезультатно пытался склевать с асфальта отутюженную сотнями подошв жвачку. Высоко в небе самолет процарапывал между облаков тонкую белую полосу.

Вовчик осмотрел себя и понял, что одет он в рабочий комбинезон кирпичного цвета. Впрочем, не он один – рядом с ним у входа в вокзал обнаружили еще четверо, в таких же комбинезонах.

Грузная тетка лет сорока, с короткой неряшливой стрижкой и одутловатым, грубо накрашенным лицом. На комбинезоне тетки, на нагрудном кармане, виднелась нашивка с именем: «КИРА».

Девчонка лет пятнадцати, худая и хмурая, с забранными в хвостик синими жидкими волосенками и длиннющими разноцветными ногтями. Нашивка на комбинезоне поясняла: «САНЫЧ».

Сухая, больше похожая на ожившую мумию старуха с морщинистым лицом и седыми кустистыми бровями, из-под которых на мир подозрительно взирали выцветшие глаза. На

комбинезоне значилось: «ПИТБУЛЬ».

Поджарая спортивная девица, больше похожая на фитнес-инструкторшу, с тонкой талией, аппетитной попкой и копной блестящих каштановых волос. Судя по надписи на нашивке, это была «ЛИДА».

Вовчик проглотил слюну, опустил глаза, прочитал на нашивке на своем комбинезоне: «ВОВЧИК», а ниже нашивки обнаружил внушительного размера брюшко. Поднял руки, в замешательстве сжал чужие крупные, покрытые темными волосками, кулаки. На левом кулаке, с тыльной стороны, заметил бледную татуировку «ВДВ». Осторожно провел чужой рукой по своей-чужой голове и выяснил, что голова эта напроць лишена растительности и наощупь напоминает гладкий кожаный футбольный мяч.

Какое-то время все пятеро молча смотрели друг на друга. А потом старуха подняла сухую руку, ткнула в девчонку с синими волосами крючковатым пальцем и зашлась в издевательском хохоте. Вслед за ней взорвало и остальных – скрючившись, завывая и всхлипывая, они тыкали друг в друга пальцами и покатывались со смеху. Вовчик еще раз приложился коленом о клумбу. Лида, истерически хрюкая, налетела на какую-то парочку с огромным чемоданом. Саныч, рыдая от хохота, размазывал тушь по худому детскому лицу.

Потом Кира случайно повернулась к киоску с выпечкой, узрела в его зеркальной витрине незнакомую одутловатую тетку, шокированно воскликнула густым контральто:

– Бля!

И грохнулась в обморок.

3. ВТОРОЙ ШАНС

Первым плюсом доставшегося ему тела было стопроцентное зрение, которое имела девчонка с синими волосами. Саныч, последние лет десять работавший за компьютером и читавший в очках, отвык от удовольствия видеть окружающий мир с идеальной четкостью. А сейчас он даже при свете тусклой лампочки с легкостью мог разглядеть в треснутом зеркале ванной комнаты вместилище, в которое его запихнули.

Угловатое скуластое лицо. Высокий, испещренный мелкими прыщиками лоб. Зеленые глаза – на левом, возле самого зрачка, притаились два крохотных коричневых пятнышка. Корни выкрашенных в синий цвет волос были светлыми – девчонка была, скорее всего, шатенкой. Рост – где-то 155-160 сантиметров. Вес – не больше сорока пяти килограмм. Слишком крупные ладони и слишком большой рот – но в целом, эта особь женского пола могла стать даже симпатичной. Если бы выросла. Но она почилла в возрасте пятнадцати лет, и, сдав ненужную телесную оболочку в утиль, упорхнула в неведомые дали. А ее мосластые коленки, торчащие уши и глупая татуировка на левом предплечье «Never look back» достались Санычу.

О том, что им всем выдали напрокат настоящие тела, чьи хозяева недавно умерли, но по стечению обстоятельств не попали на кладбище или в крематорий, потому что пропа-

ли без вести, им сообщил куратор. В тот день, когда подъехал за ними на такси к Ленинградскому вокзалу и отвез в огромную пустующую квартиру недалеко от метро Красносельская. «Относитесь к телам, как к дорогому инвентарю!», проинструктировал куратор. «Тела не калечить, вовремя кормить, мыть... в общем, живите, как будто это ваши родные тела. И не думайте, что вы бессмертные. Кто погибнет в этом теле, погибнет по-настоящему. И провалит миссию».

– Прямо, как в «Матрице», – хмыкнул Вовчик. – Умрешь в симуляции, умрешь в жизни.

– Мы уже, – проронила Кира и упала лицом в диван.

Кира, если что, так и лежит там, уже почти сутки. Грузная тетка категории «я бы не вдул» по классификации Саныча. Если бы ему досталось такое тюленьё туловище, он бы тоже лежал ничком в пыльных подушках, забыв о воде и еде.

Кстати, о еде! Вторым плюсом того, что Саныча после смерти запихнули в чужое детское тело противоположного пола, был адский метаболизм. Это тело перерабатывало любую еду в невероятном количестве и почти сразу требовало еще. Саныч с позабытым удовольствием – то есть без подсчета калорий и не опасаясь изжоги – сожрал за день два огромных гамбургера, следом закинул в себя три шоколадных батончика, пачку лапши быстрого приготовления, а на ужин умял в одно лицо два пакета чипсов, связку бананов и литр колы. И, счастливо рыгнув, как в свои чудесные пятнадцать,

завалился спать.

Угрызения совести его не мучали. Даже если он потолстеет – плевать, тело-то не его! Про «не разжираться» в инструкциях ничего сказано не было. Невер лук бэк.

А еще у тела была чужая мышечная память. Жесты, мимика – все было незнакомое, не его, словно Саныч пытался обжиться в чужом, не подходящем ему по размеру, пальто. Тело периодически самопроизвольно щелкало пальцами, косолапило при ходьбе и любило сидеть, поджав одну ногу под себя.

Саныч, осваивая чужие жесты и пытаясь их обуздать, вспомнил прочитанную в детстве книгу Беляева «Голова Профессора Доуэля». Там героине, получившей новое тело, тоже пришлось осваиваться в чужой оболочке. Кстати, Беляев его с положением вещей и примирил. Чтобы не сойти с ума, Саныч решил, что будет считать себя героем фантастического романа, и ему как-то сразу полегчало. Настолько, что он почти не вспоминал о том, что, получив девчачье тело, он лишился весьма ценного органа – члена! И между ног у него – странный гладкий пельмень, вызывавший, скорее, отвращение и недоумение, нежели возбуждение.

Смешно! – однажды в юности, они с приятелями одноклассниками, накурившись травки, фантазировали, что стали бы делать, если бы оказались в женских телах – разумеется, круглосуточно тискали бы собственные гениталии! Но теперь, глянув на холмик у себя в штанах, Саныч потыкал

в него пальцем, хмыкнул и решил как можно реже смотреть вниз. Осталось научиться писать сидя.

– Але! – забарабанил кто-то в дверь. – Там кто?

Девчачье лицо в зеркале хихикнуло – Саныч еще не успел привыкнуть, что Пашка, вернее, Питбуль (почему подростки так любят мексиканские мафиозные клички?) теперь разговаривает скрипучим старушечьим голосом.

– Я! – звонко ответил Саныч.

– Головка от часов «Заря». Дрочишь там, что ли? – спросила старуха. – Дай руки помыть!

– Терпение, бабуля! – издевательски пропел Саныч, – Самому надо! – и включил воду. Не спеша, помыл руки, все еще привыкая к ощущению чужих ладоней (дурацкие длиннющие ногти, которыми Саныч в первый же час после прибытия едва не выколол себе глаза, он еще вчера отхватил ножницами). Погримасничал в зеркало, разглядывая свое отражение. И понял, что неплохо было бы перекусить!

Щелкнув задвижкой, Саныч распахнул дверь ванной.

– Бабуля! – сказал он.

– Ссыкуха! – вернул ему издевательство Питбуль.

Старуха и девчонка поменялись местами, и теперь уже старуха щелкнула задвижкой. О том, что именно видит Питбуль в своих штанах, Саныч предпочитал не думать. Так что он прямо двинул на кухню.

Квартира, которую им предоставил Куратор, была большой, темной и чрезвычайно захлавленной. Вдоль длинно-

го коридора, в который выходили кухня и две комнаты, тянулись бесконечные стеллажи, шкафы и разнокалиберные полки, забитые книгами. Собрания сочинений известных и неизвестных писателей, детские книги, книги по домоводству, самоучители испанского и английского, словари, иллюстрированные путеводители, знакомые Санычу с детства издания бесконечной серии «Классики и современники». Кажется, даже труды дедушки Ленина затесались в этом многообразии никому не нужной макулатуры.

Плотно набитые в полки книги покрывал толстый слой пыли и украшал строй безвкусных безделушек. Фаянсовые собачки, пионеры с отколотыми носами, вазочки, чашечки, треснутые сахарницы, чайные блюдца от разных сервизов. Чушь, которую Саныч давно вынес бы на помойку. Именно так он и поступил, получив пять лет назад в наследство бабкину дачу – без сожалений выволок несколько мешков книг, тетрадей и старой посуды на свалку, а пустующие полки и шкафы занял инструментами и снастями для рыбалки.

В комнатах огромной квартиры так же было не продолеть от старой обшарпанной мебели. Пузатые платяные шкафы и уродливые комоды напозлали друг на друга, словно корявые тролли, задремавшие вдоль стен. Одну из комнат – ту, что поменьше – занимала громоздкая двуспальная кровать с железной спинкой. Рядом ютилось продрванное котами до поролонна раскладное кресло. В соседней комнате умудрились уместиться диван, узкая продавленная тахта и еще

одно кресло.

В дальнем конце длинного коридора обнаружилась небольшая кладовка, забитая пыльной древней консервацией. Рядом располагались тесный туалет с нетвердо держащимся в полу унитазом и подвесным сливным бачком, и небольшая, пропахшая прелыми тряпками ванная комната, с гвоздей и крючков в которой угрожающе свисали тазы и корыта. Треснувшее по краю зеркало. Засохший кусок мыла в пластиковой дешевой мыльнице. В такой квартире хотелось умереть еще раз – намылить этим самым мылом веревку и вздернуться прямо тут, на крючке из-под старого ведра.

– Это всё сон. Просто дурной сон! – простонала Кира, озираясь по сторонам. – Или галлюцинация.

Возможно, так оно на самом деле и было.

На вопрос Лиды, чья это квартира, Куратор не ответил и лишь сообщил, что беспокоиться не о чем, и хозяева уехали на все лето на дачу. Саныч подозревал, что дача эта находится... куда дальше, чем Подмосковье. Скорее всего, квартиру им так же, как и ненужные больше тела, оставили люди, которые покинули этот бранный мир.

– Чур, я живу в кладовке! – после краткой экскурсии сообщил Питбуль старушечьим голосом, затем проворно вытащил в коридор одно из раскладных кресел и доволол его до кладовки. Саныч пожалел, что сам не подсуетился раньше всех и не занял отдельное помещение.

Так как Кира уже успела рухнуть на диван в зале, претен-

довать на него никто больше не решился. Вовчик заявил, что вполне уместится рядом, на тахте. Лида и Саныч, переглянувшись, поняли, что им придется делить комнату с кроватью. Саныч, как настоящий джентльмен, уступил кровать даме и стал обладателем драного кресла.

Куратор пробыл в квартире не больше десяти минут, ничего толком не объяснил, обещал вернуться совсем скоро и запретил выходить на улицу. Для экстренной связи, пояснил он, на кухне есть телефон. На кухне действительно обнаружился черный допотопный аппарат с дисковым набором. Но гудка в трубке не было – когда Саныч снял трубку, выяснилось, что аппарат транслирует «Эхо Москвы».

Задать вопросы по поводу неработающего телефона было некому – парень в белом комбинезоне, в котором он больше походил на маляра или повара, нежели на представителя всемогущих потусторонних сил – вышел с кухни в коридор и пропал.

Спустя полчаса прибыл курьер. Вернее, все предположили, что это был курьер – а кто еще мог позвонить в дверь и оставить на пороге два огромных пакета продуктов? Но самого курьера никто так и не увидел. Вовчик затащил пакеты в квартиру и предположил, что раз уж Небесная Канцелярия смогла запихнуть их души в чужие тела, то и материализовать из воздуха два пакета с маркировкой экспресс-доставки ей точно по силам.

Всё еще подавленные и растерянные, новые жильцы квар-

тиры копались в развалах принесенной снеди. «Небесная Канцелярия могла бы и расщедриться», думал Саныч, разглядывая весьма экономичный набор продуктов – дешевые фрукты, шоколадки, йогурты и полуфабрикаты. Но потом он обнаружил несколько упаковок с чипсами и еще горячим фаст-фудом – и тут его тело пустило голодную слюну и само ухватило всё, что уместилось в руках.

Вовчик, который с сочувствием смотрел на убитую горем на диване Киру, попытался выманить ее на кухню порцией картофеля фри и свежим гамбургером, но инста-дива оскорбленно заявила, что не ест пищевой мусор и вообще, она вегетарианка, и отвернулась к стене.

– Нам же больше достанется! – злорадно хмыкнул Питбуль.

До наступления темноты все поодиночке слонялись по квартире, и кажется, не перекинулись даже парой слов. Вовчик, отсвечивая лысиной, читал потрепанную книгу фантастических рассказов, пододвинув к своей тахте торшер. Питбуль, бесцеремонно шаривший по полкам и шкафам, наткнулся на старенький, чудом работающий «Тетрис» – серую пластиковую консоль с вдавленными кнопками – торжествуя агакнул и, словно сутулое привидение, утащил консоль в свою кладовку. Лида заперлась в ванной и пыталась совладать с гремящими кранами, плюющимися бурой застоялой водой. Саныч хрустел чипсами и смотрел в окно, на уползающие под эстакаду третьего транспортного кольца трамваи –

словно реальная девочка-подросток, переживающая неразделенную любовь. Потом убаюканный сытым ужином растущий организм разморило, и Саныч, не раздеваясь, уснул на воняющем котами раскладном кресле.

Ночью Саныч, ворочаясь на неудобном ложе, сквозь сон слышал, как за стенкой глухо рыдает Кира. Сновидений не было, но в черном провале сна пульсировало жгучее желание проснуться у себя на даче и обнаружить, что авария, белая комната, резиновые маски в inferнальном подвале, чужое неудобное тело – все это ему приснилось! Но с утра, открыв глаза, Саныч увидел блеклые обои с выцветшими квадратами из-под висевших когда-то на стенах картин или фотографий, рыжий полированный шкаф, стоящие за шкафом лыжи, и уныло скривился. Он умер, и попал в какой-то идиотский балаган с недо-реинкарнацией.

А может, именно так и выглядел настоящий ад. Как чужая, забитая мертвыми вещами, квартира, из которой нет выхода.

Тогда Саныч вообразил, что он герой одного из романов Беляева. И дышать ему стало легче.

– Как думаешь, он вернется? – спросила Лида у вошедшего на кухню Саныча. Вернее, у вошедшей на кухню девчонки с синими волосами. Про себя Лида успела окрестить Саныча «Мальвиной».

– Кто?

– Ангел. Мы уже сутки тут торчим, а его нет.

– Не знаю, – ответила девчонка, распахнув холодильник и обозревая его внутренности. Потом Саныч выудил с полки упаковку дешевых сосисок, бутылку кетчупа и батон. – Жрать адски хочется. Как в детстве!

Девчонка вспоролла упаковку сосисок и прямо так, в полиэтилене, сунула их в микроволновку. Накромсала крупными ломтями батон. Вынула разогретые сосиски, вывалила их в миску и принялась щедро поливать кетчупом.

– Будешь? – спросил Саныч Лиду.

Лида отрицательно покачала головой – она съела с утра пару йогуртов и выпила кофе. Гробить доставшееся ей тело неизвестно из чего сделанными сосисками она не собиралась. Девчонка, словно угадав ее мысли, окинула ее фигуру ироничным взглядом, заграбастала миску с сосисками, взяла хлеб, вооружилась вилкой и похабно сообщила:

– Я бы вдул, кстати!

И довольный Саныч вышел из кухни.

Лида закатила глаза. Мужлан!

Но... в глубине души комплимент Саныча ей понравился. Потому что...

Потому что, по неведомому стечению загробных обстоятельств, ей единственной досталась самая восхитительная человеческая оболочка.

Вчера в ванной Лида так долго торчала не потому, что не могла справиться с чахлым напором воды, а потому, что долго и восторженно ощупывала себя руками и разглядывала в

зеркало. Душа Лиды очутилась в гибком тренированном теле фитнес-инструкторши, лет двадцати пяти. Точеные ноги, изумительные узкие лодыжки и колени, прокачанный живот, небольшая упругая грудь, в меру рельефные руки, а главное – упругая, круглая и гладкая задница!

Ощупывая свой нечаянный трофей, Лида мысленно благодарила почившую хозяйку чудесного тела за то, что та держала его в столь крутой форме! Сама Лида при жизни обладала крупной рыхлой задницей и толстыми лодыжками, которые она втайне ненавидела. Так что, даже если бы она бросила работу и целыми днями садилась на шпагат, скакала на беговой дорожке и полировала телом пилон, она бы не смогла добиться таких впечатляющих результатов.

С новым лицом Лиды тоже все было в порядке – из зеркала на нее смотрела зеленоглазая пухлогубая красотка с пышными ресницами. Правда, и губы, и ресницы, и гладкий лоб были заслугой врачей-косметологов, а каштановая шевелюра оказалась наращенной, но общего восторга Лиды это не уменьшило. Из обычной дворняжки она внезапно превратилось в породистое животное. Великолепный выставочный экземпляр.

«Ради такого тела стоило умереть!», решила Лида.

Правда, общее впечатление немного портила обнаружившаяся на крестце фитнес-дивы татуировка «Wild». Лида не любила татуировки. С другой стороны, возможно, пришла пора пересмотреть собственные пристрастия. Несмотря на

вульгарность, надпись была... пикантной. И дерзкой. Как сама хозяйка идеального тела. Лида повторила чужим ртом: «Вайлд!», и увидела, как губы сами сложились в многообещающей ухмылке.

Возможно, девица при жизни была не фитнес-инструкторшей, а танцовщицей на пилоне. Или стриптизершей. Или работала в эскорте. А может, совмещала все занятия сразу. Плевать! Имей Лида такое тело, может, и она бы послала свою типографию куда подальше и пустилась во все тяжкие.

«Имей ты при жизни такое тело, Лев никогда бы даже не взглянул в сторону Вероники!», вкрадчиво прошептал внутренний голос. И в ее новое сердце ледяной иглой впиалась застарелая обида. Видел бы ее Лев сейчас! Видел бы!..

Мысль о встрече со Львом завладела Лидой полностью. Так что она с самого утра, спрятавшись от всех на кухне – остальная квартира ее угнетала, а на кухне было просторно и светло – тихонько грезила о случайной встрече с любимым. Вот она, к примеру, как бы случайно встречается со Львом взглядами в метро... Нет, не так! Вот она, на далеком Доминиканском пляже, одетая в откровенный крохотный купальник, как бы случайно встречается со Львом в прибрежном баре... Роняет очки. Наклонившись, поднимает их, продемонстрировав Льву идеальные ягодицы и татуировку «Wild». Видит его восхищенный и заинтересованный взгляд... А рядом Вероника корчится от ревности и ощущения собственной ничтожности! И тут Лев и говорит:

– У нас есть что-нибудь вегетарианское?

– Что? – удивилась Лида, вместо доминиканского бара очутившаяся на чужой кухне.

Вовчик, открыв дверцу холодильника, точно так же, как Саныч десять минут назад, обозревал остатки еды на полках.

– Вегетарианское! – повторил Вовчик.

Лида, с сожалением оглядев неказистое потрепанное тело, в которое красавчика впихнуло мироздание, поинтересовалась:

– Тебе зачем?

– Это не мне, Кире! Она уже сутки ничего не ест. Это ненормально.

– Может, она на диете! – пожала плечами Лида. – С ее комплекцией...

Вовчик без теплоты глянул на Лиду, вытащил из холодильника упаковку стеблей сельдерея, к которой со вчерашнего дня никто не притронулся, и пошел в зал.

Лида, постояв, двинулась следом.

В зале собрались все остальные – Питбуль, не выпуская Тетрис из рук, лежал на тахте. Саныч, поджав ногу, сидел на подоконнике, с аппетитом доедал сосиски и наблюдал, как Вовчик тычет в Киру сельдереем.

– Ну, давай, надо поесть! – неумело подбадривал Киру Вовчик. – Хочешь, я какой-нибудь соус принесу? Низкокалорийный. Иначе ты умрешь от голода и попадешь в ад!

– Я уже в аду! – глухо простонала Кира. – Ты эту жируху

видел? – она с ненавистью ущипнула себя за толстую ляжку. – Почему нельзя было оставить нас в наших телах? Я бы просто замотала лицо бинтами... типа, как после пластической операции!

– Нельзя! – насмешливо сказал Саньч. – Ты что, не поняла еще? Мы умерли! Наши тела лежат в гробу! Сегодня или завтра похороны.

Слова Саньча заставили всех переглядываться. Никому до сих пор не приходило в голову, что их должны похоронить!

– Если нас похоронят, как мы... – воскликнула Кира в ужасе.

– Восстанем потом из мертвых? – хмыкнула девчонка с синими волосами. – Наверное, попадем в какую-нибудь временную петлю. Эти, из подвала, отмотают время назад, и мы вернемся в наши тела.

– Как в кино! – добавила старуха.

Лида отметила, что несмотря на отвратительное тело, которое досталось пацану, Питбуль кажется, лучше всех справляется с ситуацией. По крайней мере, у старухи постоянно был такой вид, словно ей на все наплевать. А может, у нее от старости просто атрофировались лицевые мышцы.

Толстая тетка обвела всех хмурым взглядом. Кира старательно пыталась вникнуть в сложную схему с временной петлей, но в голове у нее вертелось одно: похороны! У нее, у Кирры Малышевской, звезды Ютуба и телеэкрана, сегодня похороны!

А собственные похороны звезда пропускать не собиралась!

В теле Киры словно включился реактивный двигатель. Она стартовала с дивана бодрой ракетой, поправила на тучном теле комбинезон и принялась зашнуровывать кеды.

– погоди, ты куда? – озадачился Вовчик.

Со стороны эта сцена выглядела так, словно семейная парочка средних лет выясняет отношения – жена внезапно собралась на тусовку, а муж категорически против.

Но Кира не удостоила Вовчика или кого-то еще объяснением. Она затянула последний узел и рванула в коридор.

Остальная семейка Адамс переглянулась.

– Нельзя! Ангел сказал, без него не уходить! – крикнула испуганно Лида. – Кира, ты слышишь?

Ответом ей была громко хлопнувшая входная дверь.

Если бы, выскочив из подъезда, она глянула вверх, то увидела бы, что к окнам квартиры на шестом этаже прилипли четыре любопытных лица. Но Кира летела вперед, поглощенная своими мыслями, и оглядываться по сторонам ей было некогда.

Миновав небольшой дворик, Кира сквозь арку вышла к дороге. На стене ближайшего дома значилось название улицы – Русаковская. Мимо Киры бодро просвистел трамвай. Она вообще ни разу не была в этом районе.

Растерянно озираясь по сторонам, Кира решала, как ей

удобнее добраться до дома – на такси или на метро? А потом вдруг вспомнила, что у нее нет денег и нет смартфона, так что такси или метро ей не светят.

– Твою мать! – выругалась Кира низким голосом.

Придется идти пешком. Кира примерно прикинула нужное направление и бодро зашагала по тротуару.

Спустя метров пятьдесят она выдохлась. Сердце непривычно бахало в груди, подмышки взмокли, в левом колене начало постреливать. Неповоротливая туша, внутри которой оказалась Кира, видимо, при жизни вообще не утруждала себя физической активностью. Максимум, марш-бросок до холодильника, во время перерыва на рекламу.

Кем была эта тетка? Кассиром в дешевом супермаркете? И почему ее жирное туловище досталось именно Кире? Она громко выругалась, с ностальгией вспомнив собственное, утерянное, но такое родное и выносливое – йога трижды в неделю, занятия по боксу дважды – тело!

– Эй, вы, там! – заорала она, переведя дух, в хмурое московское небо. – Вы там не охренели? Это прикол такой – подсунуть мне жирную жопу?

А может быть, вопрос этот нужно было адресовать не вверх, в небо, а вниз, в провал вентиляционной решетки?

Кто-то весело прыснул за ее спиной, и мимо Киры промчалась парочка школьничков на самокатах.

Парочка хлипких мальчишек на отличных механических самокатах. Кира заворуженно смотрела на бесплатно крутя-

щиеся колеса.

– Стоять! – крикнула она.

Пацаны, привыкшие слушаться грозных взрослых окриков, притормозили и растерянно оглянулись на Киру. Та нагнала их в пару шагов.

– А чо мы сделали? – с легким вызовом спросил первый, тот, что посмелее. Второй настороженно разглядывал Киру.

– Вы – молодцы! – сказала та, покровительственно потрепав каждого из парней по затылку. – Вы ничего не сделали! А я – да!

И, дьявольски расхохотавшись, Кира спихнула первого пацана с самоката, немного неуклюже взгромоздила на него чужое тяжелое тело и, вцепившись в руль, рванула через дорогу прямо на красный свет. Вслед ей неслись автомобильные гудки и возмущенные вопли обокраденных детишек, но Кира, отчаянно лавируя между автомобилями, чудом выехала на противоположный тротуар и покатила дальше, распуская редких пешеходов грозными криками: «Дорогу!».

Если Мироздание играет против нее краплеными картами, она будет отвечать тем же! Главное, чтобы хлипкая конструкция на двух колесах не развалилась по дороге.

Спустя час, дико уставшая, мокрая, но счастливая, Кира, наконец, докатила до Цветного бульвара и, бросив скрипящий самокат у первой же лавочки, свернула в родной переулок. И... наткнулась на толпу школьниц, которые напрочь перекрыли подход к ее подъезду. Кира с недоумением огля-

дела заплаканные лица, свечи и мягкие игрушки в руках столпившихся девчонок, и поинтересовалась:

– А что случилось?

К ней повернулось сразу несколько траурных лиц.

– Вы что, не знаете? – с легким возмущением поинтересовалась ближайшая девчонка. – Кира Малышевская погибла!

– Ах, да! – выдохнула Кира. – Точно!

Кира Малышевская погибла. А ее дом взяли в плотное кольцо скорби безутешные фанаты. Сотни смартфонов прямо сейчас транслировали в мир печальные девичьи лица на фоне подъезда дома Киры, с хэштегами #kiraforever и #внамшемсердценавсегда.

Кира не смогла удержаться от торжествующей улыбки. Вот она, слава! Вот они, реальные подписчики – а не накрученные, как у Маши Синицы боты! Вот они, живые трепетные души, готовые оплакивать своего кумира!

– Ну вообще-то мне Кира особо не нравилась, пафоса до фига, – сказал кто-то за ее спиной. – Я с ней заселфиться хотела, после концерта, а она мне с такой рожей говорит – я устала! И фейс – как будто говна нюхнула.

– А шнобель у нее какой! Как у вороны, – сообщил другой голос. – Могла бы пластику сделать, с ее-то кэшем.

– А вы знали, что она Толику Смирнову за отношения деньги платила? – сообщила третья, весьма осведомленная поклонница. – Ну, это актер, с которым у нее типа роман в том году был, – поклонница, неприятная прыщавая девица в

модных очках, показала подружкам пальцами скобки в воздухе. – Он ей типа, в Венеции, предложение делал, а потом слился. Гонорар получил и отвалил, инфа сто процентов.

Кира скрипнула зубами. И откуда эти акулы все знают? Пиар-роман с дурацким Толиком ей в прошлом году навязала Стася – Смирнов как раз снялся в каком-то модном сериале, а Кире нужно было восстановить репутацию после разрыва с одним мудаком-продюсером, который два года обещал ради Киры уйти из семьи, да так и не ушел... Смешно, но у них с Толиком даже случился секс. Пару раз. От скуки. Скучный секс от скуки – во время процесса Кире казалось, что Толик больше смотрит не на нее, а на самого себя, в огромное зеркало в Кириной спальне.

– Никаких денег она Смирнову не платила, все было реально! – выпалила Кира, не сдержавшись.

– А вы откуда знаете, тетенька? – издевательски поинтересовалась прыщавая. – Вы у нее домработницей, что ли, были?

Кира с неприязнью смотрела в наглое лицо – а толпа вокруг с интересом смотрела на Киру.

– Личным массажистом, – отрезала Кира, – и это не он, а она его слила. Инфа сто процентов.

Кира оттолкнула плечом противную прыщавую задаваку и тяжелым ледоколом проложила себе путь к подъезду, без особого труда раздвигая толпу. Оказывается, в лишнем весе есть свои прелести!

У самого подъезда, ступени которого были завалены мягкими игрушками и наскоро распечатанными фотографиями Киры с ее официального сайта, обнаружилась съемочная бригада столичного телеканала. Самодовольный татуированный парень в стильной футболке-балахоне вещал в микрофон:

– Если верить официальной версии случившегося, Кира Малышевская сама раздрадила циркового медведя. Эта смерть – яркий пример пагубного влияния социальных сетей на наше сознание. В погоне за хайпом известная блогерша рискнула жизнью – и не выиграла! Так что наша горячо любимая КираСин может претендовать на Премию Дарвина – такую премию, как вы знаете, в Интернете ежегодно присуждают за самые глупые смерти, по вине погибшего.

Кира зависла – какая еще премия?

– Смотрите вечером наш специальный репортаж: «КираСин – жизнь и смерть ради хайпа», – продолжал тараторить душный репортёришка. – А мы, напомню, находимся в прямом эфире, и стоим возле дома блогерши, где собрались ее поклонники. Прямо сейчас я поговорю с кем-нибудь из ее фанатов!

И Кира оглянуться на успела, как тип с телеканала сунул ей под нос микрофон.

– Добрый день, это канал «Столица на связи». Скажите, вы сама являетесь фанаткой Киры Малышевской? Или вы здесь с дочерью?

Кира оторопела – с какой еще дочерью? Парень тут же бодро вклинился в повисшую паузу.

– Наверное, сами – вот, я вижу, у вас даже вышивка на комбинезоне очень красивая, «Кира»! Как видите, поклонниками нашей дорогой Малышевской являются люди всех возрастов! – прокомментировал он в камеру и снова повернулся к Кире. – Скажите, какие эмоции вы испытали, узнав о смерти кумира?

«Злость, ярость, негодование! Это нелепая случайность!» – отчаянно выкрикнул внутренний голос. Но отчего-то растерявшаяся Кира смогла выдать только дежурное:

– Я... расстроена.

– Ну, конечно, конечно, мы все расстроены! Такая потеря! – бодро затараторил корреспондент. – Кирочка была моей близкой подругой, и я просто раздавлен ее смертью!

Кира могла поклясться – она впервые видела этого татуированного типа.

Тот уже позабыл о ее существовании и снова заулыбался в камеру:

– Ну, что ж, давайте спросим и у других поклонников нашей дорогой звезды, какие эмоции они испытывают...

– Похороны когда? – дернула его за рукав Кира.

– Что? – обернулся недовольно корреспондент, но тут же смягчился – за ним все еще наблюдал объектив видеокамеры. – Пока неизвестно, по слухам, назначена кремация. Сами понимаете, после хищника хоронить Киру в открытом гробу

как бы... не комильфо!

Тип с телеканала состроил брезгливую гримасу. Потом спохватился и снова трагически вздернул брови.

– Тяжелая, тяжелая утрата!

Парень с микрофоном внезапно завис, словно прислушавшись к голосам в своей голове. Кира заметила у него за ухом витой проводок от наушника.

– Вас понял, студия! – кивнул корреспондент в камеру. – Нам только что сообщили, что совсем скоро сюда приедет с опознания тела своей дочери мама Киры, Ирина Вячеславовна, и мы сможем с ней пообщаться. Ждите нового выхода в эфир!

Оператор, совсем молодой парень в протертых джинсах, опустил камеру.

– Что, мама прилетела? – растерянно переспросила Кира.

В глазах у нее внезапно защипало, в горле встал ком. До этого момента ей вообще не приходила в голову мысль, что маме придется добираться до Москвы, опознавать тело, устраивать похороны...

– Женщина, харэ тут маячить, не мешайте работать! – раздраженно произнес корреспондент и попытался оттеснить ее в сторону.

Кира расвирепела.

– Грабли убрал! – рявкнула она и рванула к двери подъезда. Стремительно набрала код, распахнула пикнувшую дверь.

– Подождите, откуда вы знаете код? – вцепился в нее удивленный корреспондент.

– Я здесь живу, – сообщила Кира.

– Что ж вы сразу не сказали, что вы соседка Киры Малышевой! Может быть, вы сможете сообщить какие-то эксклюзивные подробности о жизни звезды? – засуетился тип с микрофоном, быстро подав знак оператору снова включить камеру.

Кира сумрачно глянула в объектив. Подумала.

– Вот вам эксклюзивные подробности: Кира была самой крутой. И талантливой! Вы ногтя ее не стоите! А тебя, мудила, она знать не знала. Не примазывайся!

Кира вошла в подъезд и захлопнула дверь.

Она поднялась на этаж, уверенная, что в квартире никого нет. Ключей у нее не было, плана действий тоже. Кира просто стояла и смотрела на дверь своей квартиры. Не своей, разумеется, а арендованной, но, когда несколько лет подряд живешь на одном месте, уже считаешь его своим.

Потом вдруг внутри квартиры послышался женский голос, и рука Киры сама нажала на звонок.

Почти сразу дверь распахнулась, и на пороге показалась Стася – как всегда, с телефоном в руке и в бесформенном пиджаке.

Увидев ее, Кира невероятно обрадовалась. Стася! Здесь! У нее дома! Кира вдруг поняла, что пиарщица – единствен-

ный ее близкий человек. Первым желанием было броситься Стасе на шею, признаться, что она жива, рассказать, жертвой каких дьявольских обстоятельств она оказалась, пожаловаться на стервятников внизу. Но что-то во взгляде Стаси ее остановило. Стася смотрела на нее удивленно и требовательно, словно собиралась устроить выволочку.

– Почему вы так рано? – строго поинтересовалась пиарщица. – Я вызывала клининг на три. Вы же из клининга?

Кира столбом стояла на пороге собственной квартиры, не зная, что ответить.

Стася цокнула языком, закатила глаза и за рукав комбинезона втащила ее в прихожую. Бросила взгляд в коридор – не пришел ли кто-то еще с Кирой – и захлопнула дверь.

– А где инвентарь? – поинтересовалась Стася, осмотрев Киру с ног до головы.

– Я... какой?.. – проблеяла та.

– Господи! – прошипела Стася. – Понаехали в Москву, два слова связать не могут. Идите в ванную, найдите там какую-нибудь бытовую химию, тряпки. Я вас позже позову.

И Стася пропала в недрах квартиры.

Кира ностальгически стояла в прихожей. Она закрыла глаза и втянула воздух родного жилья – да, в воздухе отчетливо слышался запах ее любимого парфюма. Квартира пахла старой прекрасной жизнью. Да просто жизнью! После затхлого убогого хламовника, в который их запихнули существа из подвала, собственное жилье показалось ей Версалем.

Кира ностальгически оглядела яркие малиновые стены прихожей, коснулась пальцами дорогих курток и пальто, на вешалках, погладила по голове огромную черную пантеру из блестящего пластика, притаившуюся в углу, скользнула взглядом по винтажным вычурным светильникам в стиле «ар-деко». В свое время Кира отвалила дорогому стилисту по интерьерам кругленькую сумму, чтобы оформить квартиру в стиле «богемная эклектика». У известной блогерши и актрисы должна быть яркая, артистическая квартира, а не эти модные стерильные белые интерьеры, больше похожие на скучные стоматологические кабинеты.

Кира мельком заглянула на кухню – там все оставалось так, как в утро ее гибели: на мраморной столешнице сиротливо стояла чашка с недопитым кофе, рядом лежала упаковка от готового завтрака из ее любимой веганской пекарни. Правда, у раковины в углу обнаружилось несколько упаковок из-под пиццы и пара пустых бутылок дорогого вина. Да это же ее, Кирино вино, из стратегических запасов, роскошное коллекционное кьянти, которое Кира приберегала для особого случая! Впрочем, особый случай уже произошел – хозяйка квартиры трагически погибла, и ее пиарщица в компании остальных ребят из команды Киры наверняка почтили ее память парой бокалов хорошего вина.

Погибшая хозяйка квартиры, невесело улыбнувшись, вышла из кухни в гостиную. С нежностью пробежалась взглядом по разнообразным наградам и статуэткам, врученным ей

на различных светских тусовках и эффектно расставленным на полках. Привычно погладила раскинувшуюся на кресле шикарную шкуру яка – искусственную, разумеется, Кира всегда агитировала своих подписчиков уважать права животных! И остановила взгляд на роскошном собственном портрете в стиле поп-арт – здесь Кира стараниями художника являлась почти точной копией Одри Хепбёрн, в классическом образе из «Завтрака у Тиффани», только вместо кофе и круассана у Киры в руках были бургер и кола.

Кира на портрете была настоящей красоткой – аристократичная шея, изящные черты лица. А потом Кира – та, что стояла посреди гостиной в комбинезоне – уловила краем глаза какое-то движение, повернулась и увидела собственно отражение в высоком зеркале, висящем на стене. И помертвела – хотя вряд ли она сейчас могла быть более мертва! Из зеркала на нее смотрела тусклая бесформенная особа с желтыми, выжженными дешевой краской волосами, агрессивно вздернутыми, нарисованными поверх реальных, смоляными бровями и вульгарными, растекшимися по лицу стрелками. Крупные поры на одутловатом лице, толстые пальцы, фигура, похожая на бочонок на коротких ножках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.